

МАРК МИЛЛЗ

Автор
бестселлеров
**NEW YORK
TIMES**

ДИКИЙ САД

Crime • Thriller • Horror

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТОГО РОМАНА

Марк Миллз

Дикий сад

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2955565

Дикий сад: роман / Пер. с англ. С.Н. Самуилова.: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02778-8

Аннотация

Профессор Леонард, преподаватель истории искусства Кембриджского университета, оказал большое доверие своему студенту Адаму Стрикленду и предложил ему в качестве темы для курсовой работы исследование сада старинной виллы в Тоскане, чуть южнее Флоренции. Поначалу сад не вызывал у Адама особого интереса, но позже, когда в расположении и позах античных скульптур проявился некий сюжет, Адам понял, что сад заключает в себе послание. Вилла, в которой всегда была заперта дверь на третий этаж, и сад хранили тайны семьи Дочки. И далеко не все были рады тому, что Адам попытался их раскрыть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	25
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марк Миллз

Дикий сад

Август 1958-го

Позднее, когда все закончилось, он мысленно вернулся к тому солнечному майскому дню в Кембридже, где все и началось, и спросил себя, как поступил бы, зная то, что знает теперь.

Вопрос был не из легких.

Он едва узнавал себя в беззаботном молодом человеке, катившем на велосипеде с пляшущей в багажной корзине бутылкой вина по бегущей вдоль реки, изрытой выбоинами тропинке.

И как ни старался, он не мог проникнуть в голову этого незнакомца, понять логику его мыслей, не говоря уже о том, чтобы предсказать с уверенностью реакцию на известие о том, что впереди, едва ли не за следующим поворотом, его поджидает убийство.

Глава 1

Он прославился, главным образом, из-за кабачков.

Именно это обстоятельство привлекло к нему внимание и настороженно-опасливый интерес со стороны почтенных местных дам, членов Королевского общества садоводов, которые до его появления на сцене вполне мирно и счастливо соперничали между собой за самую почетную и желанную награду по классу овощей на устраиваемой ими ежегодной выставке.

В тот год, когда он унес домой свой первый приз, миссис Мид и ее товарки – я хорошо это помню – сбились в кучку под навесом, словно коровы перед надвигающейся бурей. Помню и то, как викарий, выглядевший несколько растрепанным после чересчур пылко-го знакомства с представленными образцами сидра, вынес вердикт в категории кабачков. С выражением едва ли не сладострастного наслаждения преподобный объявил представлен-ный мистером Атертоном чудовищный образец «определенно располневшим» (чем лишь усилил мои собственные подозрения).

Мистер Атертон, высокий, сухощавый, немного сутулящийся под бременем своих семидесяти с чем-то лет, вышел к подиуму самостоятельно, не опираясь даже на палку. При-няв с благодарностью сертификат (и прилагавшуюся к нему бутылочку с ликером «Элдер-флуэр кордиал»), он вернулся на место. В тот теплый ветреный день я сидел рядом с ним. Парусиновая крыша трещала, как парус; викарий сбивчиво и прочувствованно поздравлял и превозносил всех собравшихся, представивших бисквиты «Виктория спондж». В какой-то момент мистер Атертон слегка наклонился ко мне. Глаза его лукаво блеснули.

– Как думаешь, они простят меня когда-нибудь? – тихонько спросил он.

Я точно знал, кого он имеет в виду.

– Вот уж сомневаюсь. Очень сомневаюсь.

То были первые слова, которыми мы обменялись, хотя его улыбку мне случалось ловить и раньше. Еще в начале лета я как-то заметил, что он с интересом наблюдает за мной из-под надвинутой на глаза панамы. Тогда Атертон сидел на стуле у самого края крикетной площадки, на которой меня только что в пух и прах, три раза подряд и не особенно стараясь, разделал какой-то здоровяк из Дроксфорда. То поражение подвело черту под моим очеред-ным бесславным выступлением на Хэмблдоне XI.

Адам перевернул страницу с тем, чтобы продолжить чтение. Но страница была чистая.

– Это все? – спросил он.

– Похоже на то, – ответила Глория. – Что думаешь?

– Хорошо.

– Хорошо? «Хорошо» – это то же, что и «мило». Так матери говорят о непослушных детишках. Или когда хотят от них отделаться. Ну же, Адам, речь ведь идет о моем романе.

Он решил не упоминать о явно чрезмерном использовании запятых.

– *Очень* хорошо. Отлично.

Глория надула губки, изображая осторожную готовность простить, и прильнула к нему. Под натянувшимся лифом ситцевого летнего платья проступили тугие округлости грудей.

– Это же только начало, но уже интригующее, правда?

– Интригующее. Да. Такое... загадочное. И кто этот мистер Атертон с располневшими кабачками?

– Ага! – торжествующе воскликнула Глория. – Видишь? Первая страница, а ты уже задаешь вопросы. Это хорошо.

Он вскинул бровь, отметив ее выбор наречия, но она, похоже, ничего не заметила.

– А ты сам как думаешь? Кто он? Или, точнее, что он собой представляет?

Но расшевелить его не получалось. Не помогало и вино; нагревшееся на жаре, оно оставляло во рту неприятный привкус. Над открытым горлышком потерянно жужжала оса.

– Не знаю. Правда, не знаю.

Глория махнула рукой, отгоняя осу, и подлила в стакан вина. Потом, словно вспомнив, плеснула и Адаму.

– Атертон – германский шпион!

– Германский шпион?

– Вот именно. Действие происходит в начале войны, в 1940-м, и в то время как в небе над скромной деревушкой в Хэмпшире бушует Битва за Англию, на земле вот-вот развернется другое сражение. Как вверх...

–.. так и вниз.

Неужели они и впрямь цитировали друг другу Гермеса Трисмегиста?

– Думаю, Кент, – сказал Адам.

– Кент?

– Битва за Англию – это Кент и немножко Суссекс, но не Хэмпшир.

Такого подвоха Глория никак не ожидала – новость стала для нее настоящим ударом.

– Ну, может быть... не знаю... может быть, какие-то самолеты отклонились от курса... сбились с пути...

Адам скептически промолчал.

– Черт, – проворчала Глория. – А я так хотела написать про воздушный бой.

– Так перенеси место действия в Кент.

– Нет. Все должно происходить в Хэмпшире.

– Почему? – спросил он и уже в следующую секунду пожалел, что задал вопрос.

– Потому что все связано с секретной базой подводных лодок в Портсмутской бухте.

Неужели все закончилось этим? Неужели после двух лет изучения английской литературы, после Беовульфа и Чосера, сэра Гевейна и Зеленого рыцаря, она пришла к этому – к секретной базе подводных лодок в Портсмутской бухте?

– Что такое? – настороженно, возможно заподозрив еще один подвох, спросила Глория.

– Ничего, просто задумался, – соврал Адам. – Твой главный герой, от лица которого идет рассказ, он ведь мужчина. Да женщина и не стала бы играть в крикет за деревенскую команду.

– И что с того?

– Это ведь своего рода вызов – вести повествование от имени мужчины.

– Думаешь, не потяну?

– Я этого не сказал.

– Четыре брата. – Глория выставила три пальца. – И ты ведь не первый парень, с которым я встречаюсь.

Это было правдой, о чем она не забывала время от времени напоминать, вколачивая неприятные детали, как гвозди, по самую шляпку. Впрочем, сейчас Глории было не до этого – уж слишком разозлилась.

Она сердито выплеснула остатки вина на высокую траву и не совсем уверенно поднялась:

– Я ухожу.

– Не надо. – Адам поймал ее за руку. – Останься.

– Тебе же не нравится.

– Неправда.

– Я знаю, что ты думаешь.

– Ошибаешься. За то, что я думаю, меня могут отправить за решетку.

То была грубая игра, но он знал ее слабость, знал, как льстят ей такого рода откровения. Да и разве не для этого они сбежали с лекций на эту лужайку?

– Извини, – продолжал Адам, ухватившись, как за спасательный круг, за ее слабую улыбку. – Наверное, я просто завидую.

– Завидуешь?

– Знаю, что у меня бы так не получилось. Начало отличное. Честно. Меня сразу захватило. Подвыпивший викарий – классный штрих.

– Он тебе понравился?

– Очень.

Глория позволила усадить ее на одеяло, расстеленное в низине, подальше от любопытных взглядов, под защитой густого ивняка.

Его пальцы проложили путь по внутренней стороне белого бедра, ощущая теплую и упругую, как свежее тесто, плоть.

Она наклонилась и поцеловала его, раздвинув язычком губы.

Он почувствовал запах дешевого белого вина и ощутил возбуждение. Рука переместилась к грудям, пальцы захватили и легонько, как ей нравилось, сжали сосок.

Ласки в обмен на лесть. Неужели все на самом деле так просто?

Он не дал мыслям воли, чувствуя себя виноватым из-за того, что отвлекается от дела.

Впрочем, волнения оказались напрасными.

– Знаешь... – Глория отпрянула и перевела дух. – Я все-таки оставлю Хэмпшир. И к черту Битву за Англию.

В замочной скважине, когда Адам вернулся в колледж, его ждала записка. Гадать не пришлось – руку он узнал с первого взгляда. Тот же самый, едва разборчивый почерк каждую неделю украшал его эссе.

«Дорогой мистер Стрикленд!

Простите, что нарушаю Ваш напряженный деловой график, но мне бы хотелось обсудить вопрос, имеющий отношение к Вашей курсовой.

Предлагаю встретиться в 5 часов в моем кабинете на факультете. (На случай, если забыли, это большое кирпичное здание в конце Трампингтон-стрит.)

С наилучшими пожеланиями,
профессор Леонард».

Адам бросил взгляд на часы – на то, чтобы пересечь город, у него оставалось пятнадцать минут. С душем придется подождать.

Профессор Леонард был своего рода институтом не только в рамках факультета, но и всего университета. Давно перешагнувший семидесятилетний рубеж, он резко отличался от своих коллег-сверстников, вылезавших из сумрачных учебных корпусов, как могло показаться, только в перерыве на ланч и лишь для того, чтобы проташиться в протертых чуть ли не до дыр мантиях от учебного корпуса до столовой по ухоженной бархатистой лужайке, топтать священный дерн, что было их привилегией. Немногие знали, что такое делали (или когда-либо сделали) эти старички, что оправдывало бы полученную ими синекуру – преподавательскую должность в колледже. Некоторым, казалось, вполне хватало одной написанной книги, любой, пусть даже ценность ее давным-давно упала, а значение сильно потускнело. Так или иначе, по тем или иным причинам они как бы уплатили по счетам, и взамен колледжи предлагали им тихую жизнь, не обремененную какой-либо ответственностью.

Профессор Леонард принадлежал к людям иного, более крутого замеса. Он читал лекции по трем предметам, предлагал услуги в качестве руководителя группы и активно участвовал в работе нескольких обществ, половину которых сам же и основал. И при этом еще находил время не только писать, но и публиковаться. На любых весах такая ноша потянула бы немало, и профессор Леонард нес ее легко, почти не напрягаясь.

Как ему это удавалось? Он никогда никуда не спешил и никогда никуда не опаздывал, но передвигался легким, пружинистым шагом, как откормленный кот, с видом несколько рассеянным, словно мысли его витали где-то в высоких сферах.

Когда на первый стук никто не ответил, Адам приоткрыл дверь, просунул голову и, увидев, что профессор дремлет в кресле с книгой на коленях, постучал еще раз, громче и настойчивее.

Старик открыл глаза, тряхнул головой и сосредоточил взгляд на Адаме:

– Извините, я, должно быть, задремал. – Он закрыл и отложил в сторону книгу. Как успел заметить Адам, профессор читал собственный труд, посвященный работам Мантеньи.

– Ни один суд в мире не признал бы вас виновным.

Вообще-то Леонард не настаивал на соблюдении формальностей и даже поощрял свободный стиль общения, но в какой-то момент Адам испугался, что переступил границу.

– Было бы забавнее, мистер Стрикленд, если бы вы удосужились прочитать мою работу о Мантенье. Кстати, вспомнил... как ваша подача?

– Извините?

– Э, когда я видел вас последний раз, вы катили по Кинг-Пэрейд в некоторой, как мне показалось, спешке. Под мышкой вы держали две теннисные ракетки, а сидевшая на заднем сиденье юная особа держалась за вас.

– О...

– Она улучшилась?

– Улучшилась?..

– Ваша подача, мистер Стрикленд. Нам всем стало бы намного легче, если бы вы нашли какое-то оправдание своего отсутствия.

– Я много работаю, – жалобно проблеял Адам. – И поздно ложусь.

Профессор Леонард взял со стоявшего рядом с креслом столика стопку бумаг.

– Раз уж вы здесь, можете взять это. – Перебрав бумаги, он вытащил эссе Адама. – Наверное, я оценил ваш труд ниже, чем стоило бы.

– О... – уже с легким раздражением повторил Адам.

– Если подумать, тему вы все же раскрыли полнее, чем мне представлялось поначалу.

– И насколько же полно?

– Не обольщайтесь, мистер Стрикленд. Насколько я могу судить, ваша работа – а я прочел ее дважды – содержит лишь один самостоятельный вывод. Остальные вы позаимствовали из рекомендованных мной книг. – Он выставил длинный костлявый палец. – И даже из тех, что не были рекомендованы, чем, признаю, продемонстрировали наличие у вас больше, чем у других, инициативы.

Профессор протянул бумаги Адаму.

– Подробнее мы обсудим это как-нибудь в другое время. А теперь по вашей курсовой. Свежие мысли появились?

Кое-какие идеи заходились – исламская иконография в романской архитектуре, использование прямой линии в рисунках раннего Возрождения, – но профессор, конечно, моментально увидел в них то, чем они, по сути, и были: досужими спекуляциями на истоптанных полях исследования. Пожалуй, лучше уж помолчать.

– Вообще-то нет.

– Конечно, у вас впереди еще год, но определиться желательно сейчас. Тем более если вы намерены явить нам свои истинные способности. Вы ведь намерены, не так ли, мистер Стрикленд?

– Да. Конечно.

– Как у вас с итальянским?

– Неплохо. Понемногу ржавеет.

– Хорошо, в таком случае у меня есть кое-что для вас.

Профессор объяснил, что некоторое время назад получил письмо от своей старой знакомой. Эта знакомая, синьора Доччи, владела большой виллой в Тоскане, чуть южнее Флоренции.

– Впечатляющий, пусть и несколько банальный образец Высокого Ренессанса. – Так профессор описал архитектуру здания.

Хвалебные слова он приберег для сада, не формального, в духе Возрождения, обустройства примыкающих к вилле холмов, но более позднего, маньеристского, дополнения, занимавшего раскинувшуюся неподалеку, в низине, рощу. Задуманный и заложенный скорбящим мужем в память об умершей супруге, этот живописный участок питался небольшим источником и был списан с римских садов того времени с их извилистыми тропинками и ручейками, статуями, надписями и неоклассическими строениями.

– Очень необычное место. Крайне привлекательное.

– Вы его знаете?

– Я был там несколько лет назад. Сад ни разу не переделывали – это редкий случай, – и я знаю наверняка, что никакого его исследования не проводилось. Вот для чего вы и нужны. Если, разумеется, хотите. Синьора Доччи была столь добра, что предложила свой сад в качестве объекта изучения для одного из моих студентов.

Маньеристы Адаму не нравились – он считал их напыщенными, – к тому же, приняв приглашение, ему пришлось бы много читать. Однако Италия была хорошей, интересной страной.

– Может быть, сад не совсем то, что вы хотели бы увидеть, но не надо сбрасывать его со счетов. Искусство и Природа сошлись там, создав совершенно новую сущность, если хотите, третью природу.

Большого стимула Адаму и не требовалось.

– Да, – сказал он. – Я согласен.

Глава 2

Экзамены свалились как снег на голову и так же быстро пролетели. Событие это отметили – выпивками, выездами на пикник в Грантчестер, танцами на выпускных балах и купанием в одежде, – но на сохранявшихся в памяти Адама воспоминаниях темным пятном легло принятое Глорией в последний вечер решение прекратить их отношения. Ситуация была тупиковая, тем более что Глория, оставшись верной себе, даже не попыталась изобразить сожаление, которого явно не чувствовала. Впрочем, одно утешение она для него все же нашла: лишившись возможности провести часть каникул вместе с ней в Шотландии, он избавился от сомнительного удовольствия познакомиться с летней мошкаррой.

– Известны случаи, когда домашние животные не выдерживали и, спасаясь от комаров, бросались с обрыва в море. – Таковы были ее последние обращенные к нему слова перед тем, как он выскочил из комнаты, хлопнув за собой дверь.

На следующий день все постепенно вернулись к реальной жизни. Для Адама возвращение состоялось в безликом пригороде к югу от Лондона, на вилле в тюдорском стиле с элизаветинскими добавками. Заброшенный сразу после войны, дом сохранился лишь потому, что германская эскадрилья, натолкнувшись на смертоносный заградительный огонь зениток, предпочла наскоро избавиться от бомб, сбросив их куда попало, и поскорее вернуться восвояси.

Когда-то Адам с братом выкопали траншею в конце сада – первую линию обороны против вторжения воображаемых неприятельских сил – и обнаружили, что наткнулись на руины некогда стоявших на этом участке домов ленточной застройки. Собрав кусочки камня, черепицы и стекла, Гарри вставил их в гипс, соорудив своего рода мозаичную картину в форме дома. Насколько помнил Адам, то было первое проявление его будущего призвания.

Он отыскал старых друзей. Тех, кто остался на месте. Они пили пиво в саду у бара «Олень и гончие», предавались воспоминаниям и обменивались историями из новой жизни, изо всех сил стараясь не замечать неотвратимую правду, состоящую в том, что связывавшие их некогда узы за год сильно растрепались и могут вскоре оборваться совсем.

Мать была рада видеть его дома и старательно это показывала, что обычно означало только одно: она несчастна. Каждый раз, когда мать душила его своей любовью, он не мог отделаться от неприятного ощущения, что она использует его в качестве розги, чтобы хлестать отца. Видишь, что ты упускаешь? Отец замыкался сильнее обычного и бывал не очень доволен. Раньше он хотел, чтобы Адам посвятил лето работе и набрался опыта во фрахтовой компании «Болтик эксчейндж», где у него был знакомый. Такой шаг был бы мудрым решением с точки зрения обретения ценных знаний перед началом карьеры в морской страховой компании Ллойда. Когда-то Адам и сам хотел заниматься именно этим, но в конце концов признал поражение.

Обо всем договорились быстро и просто: письмо синьоре Доччи и ее ответ (отпечатанный на машинке и на безукоризненном английском), в котором сообщалось, что она сняла для него комнату в пансионе. Профессор Леонард себя никак не проявил и, если не считать некоторых усилий по поиску финансов для поездки в самом отделении истории и искусства, держался в стороне от всего происходящего. Тем не менее он предложил Адаму встретиться в городе перед отъездом на континент.

В качестве места встречи было предложено величественное каменное здание на Кэнон-стрит. Хотя Адам и не слышал раньше о «Уоршипфул компани оф скиннерс», он не особенно удивился, узнав, что профессор как-то связан со средневековой гильдией скорняков, история которой насчитывает семь веков. По пути к террасе они миновали несколько украшенных панелями залов, а ланч им подали уже на крыше, под серым, похожим на побитое молью

одеяло, слоем облаков, через которое, расчерчивая город светлыми полосами, пробивались косые солнечные лучи.

Они ели говядину на косточке и пили кларет.

Профессор пришел с перевязанной бечевой стопкой книг и брошюр для дополнительного чтения.

– Вот это прочтите обязательно и внимательно, – сказал он, передавая Адаму «Метаморфозы» и «Фасты» Овидия. – Остальное – для справочных целей. Семья располагает великолепной библиотекой, доступ к которой, уверен, вы получите. – Говорить о саде он не пожелал. – Вы же не хотите, чтобы я как-то повлиял на ваше первое восприятие. – Зато охотно поделился информацией о семье.

Синьора Доччи жила на вилле одна, ее муж умер несколько лет назад. Старший сын, Эмилио, тоже умер, точнее, погиб в конце войны от рук немцев, занимавших некоторое время виллу. Второй сын, Маурицио, готовился к вступлению в наследство. Была еще дочь, Катерина, отбившаяся от рук и перебравшаяся в Рим.

Все оставшееся время профессор говорил о своей скорой поездке во Францию, в Ласко, где он планировал собственными глазами увидеть пещерные рисунки эпохи палеолита. Начиная с 1940-го, когда рисунки обнаружили тамошние мальчишки, профессор побывал в Ласко дважды и теперь вспоминал, с каким нетерпением ждал окончания войны, чтобы совершить туда первое паломничество. По прошествии тринадцати лет он считал возможным проследить влияние того примитивного воображения на работы современных художников. Более того, это положение должно было стать темой статьи или даже книги.

– Величайшие из нынешних мастеров ищут вдохновение у старейших из известных художников, живших семнадцать тысяч лет назад. Если это не история искусства, то я просто не знаю, о чем тогда говорить!

– И я тоже.

– Знаете, молодой человек, вам вовсе не нужно так уж стараться рассмешить меня.

– Конечно, нужно. Вы же платите за ланч.

Позже, уже на улице, перед тем как расстаться, профессор сказал:

– Франческа... синьора Доччи... она стара и, судя по всему, очень слаба. Но не надо ее недооценивать.

– Что вы имеете в виду?

Помолчав в нерешительности, профессор Леонард скользнул взглядом по улице.

– Не вполне уверен, что сам это знаю, но примите за совет.

Сидя в пустом вагоне, слегка раскисший и немного опьяневший, Адам долго не мог отделаться от тревожного ощущения, что именно это прощальное предупреждение и было истинной целью их встречи.

Неделю спустя Адам уехал. В Париже он пересел с одного поезда на другой, отчетливо понимая, что еще никогда в жизни не бывал так далеко на юге. Воспользовавшись советом профессора Леонарда, он сунул проводнику несколько монет, за что получил в свое исключительное пользование целое купе.

Вот только сон не шел. Он ворочался в темноте, слушая стук колес. Франция проносилась мимо, а ему снова и снова (куда чаще, чем хотелось бы) вспоминались Глория и то выражение, с которым она произнесла:

– Не знаю почему, но, может быть, все дело в том, что ты немного скучный.

Наверное, эти слова не задели бы так, если бы они не занимались только что любовью. Дважды.

– Скучный?

– Ну, не то чтобы скучный, это было бы несправедливо. Скорее, мягкий...

– Мягкий?

– Нет.

– Тогда какой?

– Не знаю. Не могу остановиться на чем-то одном. Не могу найти подходящее слово.

Отлично. Он был категорией в себе. Категорией уникальной, неопределимой словами, но существующей где-то в промежутке от «скучный» до «мягкий».

Он вышел тогда из себя. Швырнул в стену подушку, наорал на Глорию. То ночное возвращение в колледж запомнилось до мельчайших деталей – как, выйдя из ее комнаты, спускался на цыпочках по скрипучей лестнице; как открыл уже на рассвете дверь Тринити-Грейт-Корт и как, остро чувствуя во рту горько-сладкий вкус жалости к себе самому, пропустил сердитый взгляд дежурного портье.

Какую жалкую картину он являл собой. Особенно если смотреть с расстояния, например из темного купе мчащегося через французскую ночь поезда. Он попытался остановить бег мыслей или, по крайней мере, направить их в другое русло, а когда ничего не получилось, включил свет и открыл учебник по итальянской грамматике.

Потом пришел рассвет, принесший с собой едва различимые в полусумраке крутые альпийские склоны. Еще несколько часов, и они вырвались из гор.

В Милане, спеша с одной платформы к другой, чтобы успеть на следующий поезд, Адам успел увидеть только фашистское величие Центрального вокзала. Еще запомнились жара и незнакомый запах табака. Перед тем как уснуть, он краем глаза зафиксировал описанную Шелли «плоскую равнину Ломбардии».

Глубокий, без сновидений, сон перенес Адама во Флоренцию, где его весьма бесцеремонно растолкал проводник, говоривший на языке, совершенно не похожем на тот итальянский, что он учил в школе и совершенствовал в последние дни. Выброшенный на платформу, Адам подумал, что происходящее мало напоминает тот радушный прием, веру в который ему внушили и получить который он рассчитывал в Италии.

Отыскать пансион на пьяцца Санта-Мария-Новелла удалось быстро – заведение находилось в нескольких минутах ходьбы от вокзала. Владелец пансиона сообщил, что ему крупно повезло – одна комната только что освободилась. В чем причина такой удачи, Адам понял, когда открыл дверь и после беглого осмотра обнаружил в потолке дыру. Оставалось лишь утешаться, что это на одну ночь.

Непривычный к давящей влажности, он стащил рубашку, лег на продавленный матрас и закурил. Интересно, здесь всегда так? Если такая духота обычное явление, то почему никто не предупредил его об этом? И про москитов, если уж на то пошло, тоже никто не сказал. Насекомые сидели на полке, дожидаясь наступления ночи и начала пиршества.

Протиснувшись в крошечную, тесную душевую в конце коридора, Адам встал под жидкую струйку прохладной воды. Временная мера и облегчение принесла недолгое. Пока он спускался по лестнице в фойе, свежая рубашка успела прилепиться к спине.

Едва он вышел на улицу, над площадью сухо треснул гром, и вслед за разлетевшимся во все стороны эхом аметистовые тучи раскололись, обрушив на город свою ношу. Адам стоял под навесом, глядя на прыгающие по улице крупные капли. Желоба переполнились, вода разлилась по камням, скрыв водосточные канавки, а ливень не переставал, и ритм его оставался ровным, а сила никак не менялась. Кончилось все неожиданно и сразу.

Церковный колокол отбил полчаса, и тут же на площадь устремились люди, прятаясь от дождя в дверях окружавших ее заведений. Казалось, два этих события как-то связаны, и колокол, как всегда, известил горожан о том, что опасность миновала. Из-за последней, отставшей от других тучки выглянуло солнце, и его жаркие лучи отскочили от мокрых, курящихся каменных плит.

Рассыпавшиеся фигурки прыгали через лужи, торопясь наверстать упущенное время, и Адам, держа в руке карту, присоединился к ним, двинувшись через площадь в южном направлении. На Виа деи Фосси падающая сверху, из лопнувших желобов, вода сгоняла пешеходов с тротуара на проезжую часть, вынуждая вступать там в сражение со скутерами и автомобилями. Узкую улочку заполняли гудки и проклятия, а дополнялась эта какофония скачками, прыжками и отчаянной жестикуляцией. Долетающее издалека ворчание промчавшейся бури напоминало приглушенные раскаты литавров, выступающих в качестве сопровождения к какой-то безумной опере.

Волнительная дрожь заставила его сбавить шаг, но причиной был не повсеместный хаос. Адам знал город хорошо, даже интимно, но только по книгам. А если его ждет разочарование? Если «уникальное культурное и художественное наследие» Флоренции, о котором он с такой уверенностью писал в своих сочинениях, оставит его равнодушным? Едва успев подумать об этом, он оказался перед мостом, переброшенным через Арно, являвшей собой не живую, звонкую и искрящуюся речушку, а мутный бурый поток, более подходящий для какого-нибудь промышленного района.

Через пять минут Адам достиг пункта назначения, и от недавней настороженности не осталось и следа. Часовня Бранкаччи в церкви Санта-Мария дель Кармине, когда он вошел, была пуста и оставалась пустой еще четверть часа. Сюда – смотреть, копировать, учиться у молодого человека, изменившего лицо европейской живописи, – приходили Микеланджело и Рафаэль. Звали его Томмазо Гвиди – Мазаччо для друзей, – и умер этот неряшливый мальчишка, этот чудо-ребенок, в двадцать семь лет. Умер, оставив на этих стенах следы. Тот цикл фресок продолжили другие – Мазолино, фра Филиппо Липпи, имена, с которыми нужно считаться, – но их работы, помещенные рядом с шедеврами Мазаччо, казались безжизненными и плоскими.

Изображенные им фигуры требовали, чтобы их услышали, чтобы в них поверили, а некоторые даже грозили сойти со стен и хорошенько встряхнуть сомневающихся. Это были не знаки, не линии, ареальные люди. Мужчины и женщины. Сцена с изгнанными из Эдемского сада Адамом и Евой не нуждалась ни в объяснениях, ни в контексте. Она и теперь, по прошествии пяти с лишним столетий, производила сильнейшее впечатление: согрешившая пара, голые, грубо выписанные члены, твердые как гранит от тяжелой работы, они напоминали работников, выброшенных на улицу бессердечным хозяином. Адам закрыл лицо руками – сломленный, разбитый. Ева прикрыла срамное место, но лицо обращено к небесам. И в той распахнутой, бесформенной дыре, что Мазаччо дал ей вместо рта, – вся злость, все горе и непонимание мира.

Чем больше смотрел Адам на фреску, тем больше видел и меньше понимал. Определение истинного искусства? Он еще ежился от собственной нарочитости, помпезности, когда в часовню вошла пара.

Это были французы. Его густые черные волосы, убранные назад и разделенные на два симметричных крыла, слегка выступали надо лбом. Она была хрупкая, изящная, совершенно не похожая ни на Еву Мазаччо, ни на ту Еву, какой она стала бы через несколько лет после изгнания из изобильного Эдемского сада – высохшую и изнуренную.

– Добрый день, – сказал француз, оторвавшись от путеводителя. Его английский отдавал сильным акцентом.

Адама неприятно задело, что в нем так легко распознали не просто туриста, а именно англичанина.

– Американец? – спросил француз.

– Англичанин.

Слово вырвалось чересчур резко, отрывисто и прозвучало грубой пародией на англосаксонскую надменность. Пара переглянулась, брови едва заметно дрогнули, и это разозлило Адама еще больше.

Бросив взгляд на тщательно уложенные и даже смазанные чем-то волосы француза, он подумал, как, должно быть, расстроил его недавний ливень, какой урон дождь мог нанести прическе. А может, масло как раз и сыграло защитную роль, не дав волосам намокнуть?

Наверное, его внимание показалось французу не совсем уместным.

– Что-нибудь еще?.. – спросил он, нервно переступая с ноги на ногу.

Адам перевел взгляд на фрески.

– *Las pinturas son muy hermosas*¹, — сказал он на своем лучшем испанском и вышел из часовни, оставив французов наедине с гением Мазаччо.

Интересно, откуда появилась эта неприязнь к незнакомой паре? Стала ли она следствием того, что они в каком-то смысле помешали его общению с фреской? Или же сама фреска выпустила на свободу что – то прятавшееся глубоко в нем самом?

¹ Их живопись слывет в высшей степени прекрасной (*исп.*).

Глава 3

- *Англичанин уже приехал?*
- *Нет, синьора.*
- *А когда приедет?*
- *Завтра.*
- *Завтра?*
- *Так он написал в письме. Двенадцатого.*
- *Я хочу увидеть его сразу же, как только приедет.*
- *Вы уже говорили, синьора.*
- *Ты не забудешь?*
- *Почему это я должна забыть? Подвиньтесь, пожалуйста, чуток.*
- *Помягче. Не толкай.*
- *Извините. Повернитесь, пожалуйста.*
- *Ты не обязана это делать, Мария.*
- *Знаю.*
- *Я могу найти кого-то другого.*
- *Так вы думаете, что я стану готовить и прибираться для кого-то еще?*
- *Ты – хорошая женщина.*
- *Спасибо, синьора.*
- *И отец твой был хорошим человеком.*
- *Он очень вас уважал, синьора.*
- *Знаешь, ты не должна так уж со мной любезничать. Тем более когда протираешь меня губкой.*
- *И он, синьора, тоже вас уважал.*
- *Знаешь, Мария, иногда мне кажется, что у тебя к старости чувство юмора появилось.*
- *Повернитесь, пожалуйста.*

Глава 4

Выехав из Флоренции через ворота Порто-Романо, они сначала взяли курс на юг, в Галлуццо, откуда дорога свернула к холмам и пробежала мимо вольно раскинувшегося монастыря картезианцев.

По обе стороны дороги тянулись оливковые рощи, аккуратные ряды высаженных террасами деревьев, густые кроны которых отливали серебром под солнечными лучами. Тут и там на склонах холмов возникали виноградники и рощицы зонтичных сосен. Появлявшиеся время от времени темные аллеи кипарисов указывали на тропинки, ведущие к какой-нибудь изолированной ферме, неизменно охраняемой небольшой когортой высоких, стройных кедров. Если не принимать в расчет асфальтированную дорогу, по которой они ехали, прошедшие века, казалось, не внесли в эти мирные пейзажи никаких сколь-либо значимых перемен.

Откинувшись на спинку сиденья, Адам наслаждался открывавшимися видами и врывавшимся в открытое окно ветерком, приятно холодившим лицо и трепавшим волосы. Таксист трепался без умолку даже после того, как Адам признался, что по меньшей мере половина слов пролетает мимо ушей. Время от времени они, пассажир и водитель, встречались взглядами в зеркале заднего вида, и итальянец довольно хмыкал и кивал.

Когда дорога выровнялась, Адам повернулся и посмотрел назад, надеясь еще раз увидеть Флоренцию, но город уже скрылся из вида, спрятавшись за вереницу подступающих с юга холмов. Странно, но Адам нисколько не расстроился – в том, что Флоренция не выставляет себя напоказ, а держится скромно и настороженно, было что-то, что совпадало с его восприятием города.

Все утро он ходил по ее улицам, по каменным расщелинам, врубленным в нее наподобие решетки. Ее здания не выглядели больше радушно-гостеприимными – дворцы из простого камня, скопированные, казалось, с крепостей; церкви со строгими, без украшательств, экстерьерами, закованные по большей части в черный и белый мрамор; музеи, расположившиеся, как нарочно, в самых неподходящих строениях. И все же за этими суровыми, аскетичными фасадами могли скрываться какие угодно сокровища.

Ограниченный имеющимся в его распоряжении временем, Адам выбирал осторожно, тщательно, с почти математическим расчетом. Где-то ждали разочарования, когда признанные работы странным образом не находили в душе ни малейшего отклика. Но, сидя в убегающем выше и выше такси, он утешал себя тем, что это была всего лишь первая вылазка, наспех проведенная разведка. Он еще вернется – возможности для этого обязательно будут.

Сан-Кассиано устроился на высоком холме, доминировавшем над окрестным ландшафтом. Именно такое положение и определяло его роль на протяжении нескольких веков истории, хотя в путеводителе ни словом не упоминалась последняя из выпавших на его долю осад. Чем ближе подъезжало такси, тем яснее становилось, что опоясывавшие город стены никак не могли противостоять оружию, находившемуся в распоряжении как немцев, так и их противников.

Каких-либо шрамов войны Адам не заметил, хотя пострадала даже Флоренция, объявленная обеими сторонами «открытым городом» в знак уважения к ее архитектурному наследию. Когда наступавшие с юга союзники подошли к городу, немцы взорвали все исторические мосты, за исключением одного. Пощадили только Понте-Веккьо, но такая забота имела высокую цену. Прилегающие к реке здания на расстоянии прямой видимости от моста были заминированы, средневековые и более поздние постройки снесены до основания – так расчищалась местность для приближающегося сражения. В конце концов части союзников про-

сто переправились через Арно в другом месте с помощью мостов Бейли и быстро освободили город.

Прошли годы, но рана, нанесенная в самое сердце старой Флоренции, оставалась открытой и не заживала. Если какие-то усилия по восстановлению былого величия и предпринимались, то в глаза это не бросалось. Вдоль южного берега вырастали новые здания с чистыми, гладкими лицами и четкими прямыми линиями – тинейджеры в очереди из пенсионеров. Единственным оправданием их появления было то, что, по крайней мере, пустыри чем-то заполнялись.

В Сан-Кассиано эта работа еще шла. Тут и там на лике города встречались оставленные войной оспины – руины разрушенных бомбами домов. Годами никто не обращал на них внимания, и только Природа забирала то, до чего у людей не доходили руки. Где-то дерзко тянулись вверх зеленеющие деревца; на грудах камней, неведомо откуда вытащив влагу, пустили корни кустики; из щелей в рассыпающихся стенах пробивалась сорная трава. Новые бетонные коробки в историческом центре служили еще одним доказательством тяжелых обстрелов, которым подвергся Сан-Кассиано.

Пансиону «Аморини» повезло – его война пощадила. Побег плюща, прилипшего к шелушащейся штукатурке фасада, опирались на перголу, в тени которой скрывалась передняя терраса. На первом этаже разместились бар и trattoria. Синьора Фанелли уже ждала гостя – Адам заранее позвонил из Флоренции – и, увидев его, позвала сына, чтобы помог с багажом.

Якопо попробовал на вес оба чемодана и, оставив более тяжелый, с книгами, Адаму, потащил наверх более легкий.

Комната намного превзошла все его ожидания – выложенный темно-красной плиткой пол, потолок с нависающими балками, два окна с видом на сад. Из мебели только самое необходимое – железная кровать, комод, платяной шкаф. Был еще стол, доставленный, наверное, по его просьбе, а вот стула не оказалось, что вызвало резкое недовольство синьоры Фанелли.

Отправленный матерью на поиски недостающего предмета, Якопо бросил на гостя скорбно-обвиняющий взгляд, как будто именно Адам и был виноват в его публичном унижении. Вернувшись через пару минут, он снова исчез, воспользовавшись тем, что мать демонстративно гостю особенности устройства системы водоснабжения.

Оглядевшись, Адам объявил, что комната отличная.

Хозяйка забрала у него паспорт, мило улыбнулась и вышла. Остался только ее аромат – слабый запах роз повис в воздухе.

Он поднял сумку, поставил на источенный червями комод и стал раскладывать вещи. Сына синьора Фанелли, похоже, родила совсем юной, лет в семнадцать – восемнадцать, а то и раньше, если учесть, какой молодой она выглядела сейчас. Вообще-то хозяйка пансиона представлялась ему особой постарше, маленькой и без сколь-либо заметного бюста. Теперь же вдруг выяснилось, что он поселился у дублерши Джины Лоллобриджиды из «Трапедии».

Он довольно улыбнулся.

И еще одна картина из того же фильма встала перед глазами – втиснутый в трико мускулистый Берт Ланкастер.

Дорога к вилле Доччи, белый пыльный проселок, вела от города на север и проходила через вершину холма – мимо выкрашенных охрой ферм; мимо лугов, чередующихся с оливковыми рощами и виноградниками, упрятыми за живую изгородь; мимо пламенеющей мальвы и кроваво-красных маков. Его мать, окажись она здесь, была бы в восторге и останавливалась наверное, у каждого кустика, у каждого цветочка. Но Адам, устроенный иначе, воспринимал только назойливый стрекот цикад, бившийся в одном ритме с немилосердным зноем. Он уже собирался повернуть назад, решив, что ошибся, когда увидел вдруг впереди

два древних каменных воротных столба. Начинаясь за ними кипарисовая аллея круто уходила вверх, к большой вилле.

Тут и там из земли выступали припорошенные белой пылью крепкие корни могучих деревьев. Никакого указателя на воротных столбах не было, но одного беглого взгляда на сделанную от руки карту, присланную вместе с письмом синьоры Дочки, оказалось достаточным, чтобы понять – он на месте.

Дойдя до конца дорожки, Адам остановился в нерешительности, словно почувствовал что-то. Повернулся. Взглянул на уходящие вниз ровным строем кипарисы.

Что-то было не так. Но что? Определить вот так, сразу, он не мог, а думать мешала жара.

Кипарисы расступились перед посыпанным гравием разворотным кругом. Слева от виллы, за рощицей каменных дубов, виднелось несколько хозяйственных строений, уходивших вниз по склону, но его внимание привлекло главное здание.

Как это профессор Леонард охарактеризовал архитектуру виллы? Банальная?

Едва ли не все знания по предмету Адам почерпнул из потрепанной книжки Эдит Уортон по итальянской архитектуре, но в стоящей перед ним вилле, как он ни всматривался, ничего знакомого, типичного, заурядного обнаружить не удалось. Не слишком большая, не такая роскошная, как некоторые, она отличалась симметрией и пропорциями, придававшими вид не только благородный, но даже величественный.

С трех сторон ее окружал выложенный каменными плитами двор, венчала же трехэтажное строение неглубокая черепичная крыша с выступающими карнизами. Средний и верхний этажи фасада занимала крытая галерея, тогда как крылья состояли из глухих аркад с фронтонными и консольными окнами. Больше ничего не было, но зато в том, что было, работала каждая деталь.

Заявлять о своей породистости, доказывать благородство происхождения и чистоту линии здесь не требовалось – это ощущалось буквально во всем. Так бывает с костюмами, скроенными настоящими портными. Рука мастера – давно умершего, непризнанного, позабытого – ощущалась во всем. Сомневаться в правоте такого заключения не приходилось – будь иначе, приложи руку к созданию виллы кто-то из прославленных архитекторов того времени, факт этот непременно сохранился бы в исторических хрониках. Пока же, занимаясь предварительным исследованием, Адам так и не обнаружил нигде упоминаний о вилле Дочки.

Обогнув бьющий посреди двора родник, он поднялся по трем передним ступенькам. На каменной табличке, вделанной в стену над самой дверью, был изображен стоящий на задних лапах медведь, главная деталь герба Дочки. Адам потянул за металлическую ручку.

Должно быть, за ним наблюдали изнутри и ждали только, когда он подойдет поближе, потому что дверь открылась почти в тот же миг. За дверью стояла невысокая, плотная женщина в белой блузке и черной юбке. Темные ее глаза поймали взгляд гостя и крепко его ухватили.

– Доброе утро, – сказал он по-итальянски.

– Добрый день.

– Я – Адам Стрикленд.

– Вы опоздали.

– Да. Извините.

Женщина отступила в сторонку, чтобы он прошел. Все это время она не спускала с него внимательного, оценивающего взгляда, словно он был скакуном, а она прикидывала, стоит ли поставить на него в следующем заезде (в конце концов у него осталось впечатление, что за кошельком ее рука, скорее всего, не потянется).

– Синьора Дочки желает вас видеть.

В конце длинного фойе обнаружилась ведущая вверх каменная лестница. Женщина в белой блузке направилась к ступенькам слева. Адам последовал за ней.

– Можно стакан воды? Пожалуйста.

– Воды? Да, конечно. – Она свернула в коридор за лестницей. – Подождите здесь.

Он не возражал. По крайней мере, появилась возможность оглядеться. Подозрения насчет того, что неброская элегантность интерьера есть всего лишь случайность, стечение удачных совпадений, рассеялись сразу же. Та же рука, расчетливая и сдержанная, ощущалась в пропорциях гостиной, занимавшей центральную секцию первого этажа и выходившей на террасу с балюстрадами. Примыкавшие к ней комнаты соединялись идеально выровненными дверными пролетами, создававшими ощущение перспективы и позволявшими видеть виллу как бы насквозь, из одного конца в другой.

Звук приближающихся шагов заставил отступить – не хватало только, чтобы она – служанка, домоправительница или кто там еще – подумала, будто он что – то вынюхивает.

Синьора Дочки полусидела на большой кровати из темного дерева, опираясь спиной на гору подушек и держа перед собой книгу. Когда они вошли, она слегка повернула голову к двери и посмотрела на них поверх очков.

– Адам. – Синьора Дочки широко улыбнулась.

– Здравствуйте.

– *Grazie*², Мария.

Мария молча кивнула, повернулась и, выйдя в коридор, закрыла за собой дверь.

Синьора Дочки жестом предложила Адаму подойти ближе.

– Пожалуйста, это не заразно – всего лишь старость. – Она отложила книгу и снова улыбнулась. – Хотя, может быть, и заразно.

Свободные, непослушные, ее волосы скатывались на плечи серебристой волной. Для женщины столь почтенного возраста они казались слишком густыми, слишком длинными. Паутинка тонких морщинок напоминала наброшенную на лицо вуаль, но плоть, надежно державшаяся на крупных, отчетливо проступающих костях, оставалась твердой. Глаза у нее были темные и широко расставленные.

Адам протянул руку:

– Рад с вами познакомиться.

Они обменялись рукопожатием. В ее сухих, костлявых пальцах еще осталась сила.

– Садитесь. – Синьора Дочки указала взглядом на стоявший у кровати стул с высокой спинкой. – Рада, что вы наконец-то до нас добрались. Мария уже несколько дней места себе не находит, все трет да прибирает.

Представить суровую, немногословную Марию суевающейся из-за его приезда как-то не получалось.

– Она человек хороший и позволит вам это увидеть, когда будет готова.

Ему сделалось немного не по себе оттого, что она так легко прочла его мысли.

– Как доехали?

– Спасибо, хорошо. Только уж очень долго.

– Останавливались в Париже?

– Нет.

– В Милане?

– Нет. Только во Флоренции и только на одну ночь.

– Одна ночь во Флоренции, – задумчиво повторила синьора Дочки. – Звучит, как название какой-то песни.

² Спасибо (ит.).

– Не очень хорошей.

Она рассмеялась – коротко, отрывисто. И согласно качнула головой:

– Да, не очень.

Адам достал из внутреннего кармана пиджака письмо и протянул его синьоре:

– От профессора Леонарда.

Она положила письмо рядом с собой на кровать. Адам заметил, что ее ладонь так и осталась на нем.

– Как Криспин?

– Профессор сейчас во Франции. Изучает какие-то пещерные рисунки.

– Пещерные рисунки?

– Они очень старые, в основном бизоны и олени.

– Пещеры – не самое лучшее место для человека его возраста. Они принесут ему смерть.

Адам улыбнулся.

– Я говорю серьезно.

– Знаю... просто... ваш английский...

– Что?

– Очень хороший. Очень правильный.

– Это все няни. Няни и гувернантки. Во всем виноват мой отец. Он любил Англию. –

Она сняла очки и положила их на прикроватный столик. – Вы ведь остановились в пансионе «Аморини». Как вам там?

– Все замечательно. Спасибо за внимание.

– Сколько она с вас берет?

– Две с половиной тысячи лир в день.

– Слишком много.

– Во Флоренции я заплатил за комнату вдвое больше.

– Тогда вас обманули.

– О...

– За полупансион должно платить не больше двух тысяч в месяц.

– Комната большая и чистая.

– Боюсь, синьора Фанелли слишком хорошо знает силу своих чар. Так было всегда, даже в те времена, когда она была еще девчонкой. Теперь, в положении вдовы, ей...

– Что?

– О, ничего... – Синьора отмахнулась. – Мужчины есть мужчины. С чего бы им меняться?

Адам собирался было выступить в защиту своего пола от брошенных обвинений, но известие о брачном состоянии хозяйки пансиона навело его на более приятные мысли. Выбрав молчание, он ограничился тем, что принял серьезный вид и согласно кивнул.

– Вы к нам надолго?

– На две недели.

– Времени хватит?

– Не знаю. Изучать сад мне еще не приходилось.

– Боюсь, вы найдете его немного запущенным. За сад отвечал Гаетано, но в прошлом году он ушел. Другие садовники делают, что могут. – Она указала на окна – открытые, но со сведенными ставнями. – Отсюда открывается неплохой вид. Мемориальный сад вы не увидите, но я скажу, как к нему пройти.

Адам толкнул ставни и зажмурился от хлынувшего в комнату света. Он стоял на галерее, откуда открывался поистине чудесный вид: уходящие на запад холмы, складки которых

заходящее солнце выкрасило в разные оттенки серого. Было в этой панораме что-то безвременное, почти мифическое, как на пейзаже Пуссена.

– Своеобразно, не правда ли? – спросила синьора Дочки.

– Если вам такое нравится.

Она рассмеялась. Адам посмотрел на сад, разбитый позади виллы, и увидел привычное: посыпанные гравием дорожки и подстриженные зеленые изгороди.

– В самом конце нижней террасы, слева, есть несколько зонтичных сосен. Чтобы попасть в сад, вам нужно миновать их и пройти еще немного по дорожке.

Адам присмотрелся – сразу за соснами земля резко уходила вниз, в лесистую долину.

– Да, вижу.

Он закрыл ставни и вернулся в комнату.

– Но почему именно там? Почему в лощине?

– Из-за воды. Там родник. Точнее, был когда-то. Теперь-то высох, как и все остальное. Нужен дождь. Хороший дождь. Без воды страдают и оливки, и виноград. – Она протянула руку за лежавшей на столике тонкой папкой. – Вот. Это все собрал мой отец. Здесь не много, но это то, что нам известно о саде.

Адам может приходить и уходить в любое удобное время, продолжала синьора. При желании может работать в кабинете, и, разумеется, библиотека в полном его распоряжении. Ему вообще предоставляется полная свобода передвижений по вилле, за исключением последнего этажа, закрытого по причинам, объяснять которые ей сейчас не хотелось бы. Если пожелает, Мария приготовит что-нибудь на ланч.

– Мы здесь обходимся без церемоний. Понадобится что-то – просто спросите.

– Спасибо. Спасибо за все.

Синьора Дочки с притворной церемонностью наклонила голову.

– Возвращайтесь, когда прогуляетесь по саду.

Адам уже выходил из комнаты, когда она добавила:

– И да, если увидите там молодую женщину, скорее всего, это будет моя внучка. – Улыбка тронула уголки ее губ. – Не беспокойтесь, она вполне безобидна.

Пройдя через гостиную, Адам вышел на мощеную террасу позади виллы. Отсюда просевшие под тяжестью столетий каменные ступеньки вели к амфитеатру – широкому, засыпанному щебенкой пространству с низенькими живыми изгородями, устроенными в геометрическом порядке. Тут и там виднелись лимонные деревья в громадных глиняных горшках. Из прочитанных книг он знал, что степная роза и вистерия, ползущие по решетке подпорной стены, – это уже более позднее дополнение к «английскому стилю», захлестнувшему страну столетием ранее и обрекшему множество древних садов на медленное умирание. Амфитеатры срывали, чтобы устраивать на их месте лужайки для игры в шары, которые быстро выгорали под жгучим итальянским солнцем. На цветочных бордюрах высаживали растения, привычные к более мягкому климату, всевозможным лозам и вьюнкам давали полную свободу, и они, как непослушные мальчишки, расползались по стенам и карабкались по деревьям. Во многих случаях преобладающие ветры моды причинили полнейшие разрушения, но здесь, на вилле Дочки, изначальные ренессансные террасы сохранились, похоже, практически нетронутыми.

Еще одно подтверждение этому выводу он получил, когда спустился к нижнему уровню. Центральное место здесь занимал круглый фонтан, обсаженный высокими, коротко обрезанными тисами, делившими террасу на «комнаты». Английский сад заканчивался здесь, у высокой подпорной стены, уходившей на двадцать футов вниз, к оливковой роще, занимавшей солнечный склон холма. Вдоль балюстрады, лицом к открывающемуся виду, стояли каменные скамьи. В северном конце террасы к невысокой скале жалась крохотная

часовня, вход в которую охраняли два стройных, похожих на темные обелиски кипариса. Другой конец занимала рощица зонтичных сосен, внимание к которой привлекла ранее синьора Доччи.

Адам сел на землю в пахнущей резиной тени сосен и закурил сигарету. Посмотрел вверх, на виллу, серьезную, надменную, стоящую на холме, как какой-нибудь капитан на палубе полуюта. Все окна третьего этажа были закрыты – похоже, верхний этаж вообще не использовался. Он улыбнулся, представив запертого наверху сумасшедшего родственника, эдакую миссис Рочестер.

Отсюда, снизу, здание выглядело несколько иначе, в нем отчетливее проступала строгость, присущая крепости твердость, основательность. И тем не менее эта его ипостась гармонировала как с обстановкой, так и с функцией. Оно не было дворцом наслаждений, оно было осью и основанием рабочего поместья. Хозяйственные постройки, едва видимые с того места, где он сидел, располагались вокруг двора пониже виллы. В этой близости не было ничего непристойного, ничего постыдного, и вилла признавала ее открыто, с безыскусной откровенностью, повернувшись лицом к долине. За всей композицией явственно ощущалось присутствие творца.

Не прошло и суток, а вилла Доччи уже пленила его своими чарами, и мысль о том, что драгоценное время придется, может быть, посвятить изучению малой части сада, уже отдавалась острым и все возрастающим ощущением неудовлетворенности.

Ответ пришел сам собой. Нужно просто-напросто изменить тему курсовой. Разве кто-то будет возражать? Профессор Леонард? На каком основании? В этом отношении студенты пользовались большой самостоятельностью. Если уж Роланд Гиббс договорился взять в качестве темы римскую церковь в Суффолке, то почему нельзя написать работу об итальянской вилле? Придется разыграть марксистскую карту – это направление приобретало на факультете все большую популярность, – проиллюстрировать положение о том, что архитектура и искусство существуют не сами по себе, а отражают скрытые социально-экономические процессы своего времени.

Воодушевленный принятым решением, Адам открыл ту папку, что дала ему синьора Доччи, и начал читать. Язык документа, составленного на стыке столетий, отличался выразительностью и строгостью форм.

Двадцатипятилетняя Флора Бонфаддио умерла в 1548 году, через год после того, как они с мужем, Федерико Доччи, бывшим старше ее на два десятка лет, вступили во владение новой виллой, построенной возле Сан-Кассиано. О самой Флоре известно было немного. Некоторые утверждали, что она состояла в родстве с поэтом и гуманистом Джакомо Бонфаддио, но заслуживающих доверие свидетельств в пользу таких утверждений никто не представил. Что касается Доччи, то их знали как семью флорентийских банкиров, которые, подобно Медичи, происходили из Муджелло, гористого района к северу от города. Не достигнув положения и степени влияния Медичи – а кто достиг? – они к шестнадцатому столетию утвердили за собой репутацию успешных финансистов. Благодаря успехам семьи Федерико Доччи и смог позволить себе такую роскошь, как строительство загородного имения для себя и молодой жены.

В самое короткое время вилла Доччи стала, выражаясь морским языком, портом захода для художников и писателей и прославилась экстравагантными приемами, которые устраивал ее щедрый хозяин. В этом не было ничего не обычного. Многие богатые флорентинцы ставили себе целью создать за городом культурный источник; более того, они считали это необходимой стадией своего развития – возможностью поделить справедливо нажитым с нуждающимися, одновременно заводя знакомства и общаясь с величайшими талантами своего времени. Большие деньги и большое искусство всегда шли бок о бок. Заурядный обмен в век, движимый патронатом.

В списке тех, кто посещал собрания на вилле Доччи, Адам обнаружил лишь два знакомых имени. Первым был Бронцино, известный придворный художник; второй – Тулия д’Арагона, куртизанка и поэтесса, особа не менее известная, хотя и не с самой лучшей стороны. Ее присутствие придавало списку пикантный душок скандала, намекая на зловещую и опасную сторону собраний на вилле Доччи. Так или иначе, но уже через год мечта Федерико о загородном салоне, о культурном роднике на холмах Ломбардии внезапно разбилась вдребезги со смертью жены. Записей о том, что же стало причиной безвременной кончины Флоры, обнаружить не удалось, но для Федерико случившееся стало, похоже, сильнейшим ударом, от которого он так и не оправился. Несчастный не женился больше, а вилла и поместье перешли по его смерти к другой ветви клана Доччи.

Во всем этом историческом тумане ясным представлялось лишь одно: в память о супруге в 1577-м Федерико заложил небольшой сад, план которого сам же и создал. Перевернув страницу, Адам наткнулся на составленную от руки карту сада. И машинально закрыл папку. К первому знакомству лучше подходить без предвзятости, с повязкой на глазах, как рекомендовал профессор Леонард.

Дорожка, давно забытая и заросшая травой, неспешно сбегала в ложину. Чем дальше вниз, тем гуще стояли деревья по обе стороны от тропинки; лиственные уступали место вечнозеленым: сосне, тису, можжевельнику и лавру. Он слышал птиц, но голоса их звучали приглушенно и рассеянно. А потом тропинка вдруг исчезла. Так, по крайней мере, показалось ему с первого взгляда. При более внимательном осмотре выяснилось, что путь преградила высокая стена густого тиса с проходящей через нее наискосок брешью.

Адам остановился на мгновение, потом протиснулся в узкую щель.

Дорожка за оградой была посыпана щебенкой. Деревья с обеих сторон подступали к ней так близко, что ветви их смыкались вверх, образуя сумрачный свод. Ярдов через сто все оборвалось, и он шагнул на расчищенное от всякой растительности место у начала широкой расселины в склоне холма. Место это, по всей очевидности, и было сердцевинной сада, той центральной осью, от которой он раскладывался.

Справа, у вершины многоярусного, отделанного камнем амфитеатра, стоял пьедестал с мраморной статуей обнаженной женщины. Скульптор изобразил ее в странной, почти неестественной позе: правое бедро приподнято, туловище развернуто влево, а голова вправо и назад, словно она оглядывается через плечо. Правая рука согнута и стыдливо прикрывает груди; волосы украшены гирляндой; под ногами – опрокинутая ваза с рассыпанными цветами.

Все указывало на то, что Федерико Доччи представил свою супругу в образе Флоры, богини цветов. Ничего удивительного, но изощренная метафора заставила Адама улыбнуться.

Для тех, кто все же не узнал в статуе богиню, рядом, на возвышении, стояла, гордо выгибаясь на фоне темных каменных дубов, триумфальная арка. Две рифленые колонны поддерживали тяжелую перемычку с декоративными деталями, между которыми поместилось выгравированное имя:

Фьора – «цветок» на итальянском; на латыни – Флора. В том, что Федерико сделал выбор в пользу итальянской формы христианского имени жены, было что-то трогательное, нежное, некое указание на супружескую близость. Может быть, он сам называл ее так? Два крутых каменных стока по краям амфитеатра спускались к прорытой у основания длинной канавке. Дно ее устилали листья и прочий мусор, и на этой сгнившей подстилке лежала

мертвая птица – бледные кости выглядывали из-под разложившейся кожи и перьев. Возле канавки, лицом к амфитеатру, стояла каменная скамья с многочисленными следами перенесенных непогод и надписью на латыни. Стихии постарались стереть ее, но разобрать буквы все еще было можно:

ANIMA FIT SEDENDO ET QUIESCENDO PRUDENTIOR.

Душа в покое обретает мудрость. Или что-то вроде этого. Подходящий девиз для места, предназначенного для созерцания.

Взгляд его дошел до слива в конце канавки и, скользнув вниз по склону, наткнулся на насыпной холмик, увенчанный несколькими лаврами и окаймленный статными кипарисами. Разбегавшиеся в стороны две тропинки вели к темному лесу, окружавшему с трех сторон заросший луг, который уходил в долину и в дальнем конце которого пряталось среди деревьев какое-то каменное строение.

К холмику спускался короткий лестничный пролет. Адам обошел насыпь. Что она собой представляла? Ответ нашелся скоро: ничего. Холм насыпали только для того, чтобы поместить в нем глубокий, мрачный грот.

Неровный вход, как, наверное, и хотел создатель, напоминал горловину пещеры и был инкрустирован тесаным камнем и сталактитами. Положение солнца не позволяло рассмотреть, что находится в глубине грота.

Адам постоял в нерешительности, потрянул головой, отбрасывая нехорошее предчувствие, и шагнул в зияющую темь.

Глава 5

- Ты видела его перед тем, как он ушел?
- Мельком. Сказала, что вы отдыхаете.
- Я хотела его повидать. В следующий раз разбуди.
- Конечно, синьора.
- Он что-нибудь сказал?
- О чем?
- О саде, о чем же еще.
- Нет.
- Ничего?
- Он было очень молчаливый.
- Молчаливый?
- Рассеянный.
- Он симпатичный, правда? Высокий, темноволосый и немного опасный.
- Больно уж бледный.
- Это не его вина, Мария. Он – англичанин.
- И тощий.
- Немного есть, согласна.
- Жирок бы не помешал.
- Всему свое время. Он ведь еще растет.
- По-моему, он чудной.
- Правда?
- Я видела, как он ходил туда-сюда между кипарисами в конце дорожки. Такими большими шагами, как будто мерил что-то.
- Интересно.
- Беспокойный. Это, наверное, из-за жары.
- Нет, это значит, что он увидел.
- Синьора?
- Кипарисы сходятся к концу дорожки.
- Сходятся?
- Два ряда сближаются по направлению к вилле; за счет этого усиливается ощущение перспективы.
- Я и не знала.
- Потому что я никому об этом не рассказываю.
- Почему?
- Чтобы посмотреть, заметит кто или нет. Пока заметили только двое. Теперь уже трое.
- А еще двое кто?
- Они оба умерли.
- Будем надеяться, что никакой связи нет. Ради самого же англичанина.
- Знаешь, Мария, ты, когда захочешь, бываешь такой занятой.

Глава 6

Адам проснулся из-за неприятного ощущения: что-то давило в правую ягодицу. Пальцы отыскивали зловредную помеху, но идентифицировать ее на ощупь не получилось. Он открыл глаза и увидел закрытую бутылку минеральной воды. Вверху, под потолком, лопасти маломощного вентилятора тужились привести в движение тяжелый, словно спекшийся от жары, воздух. Он лежал на кровати, полностью одетый, при включенной лампе. Невыносимо яркий свет бил в глаза.

Он спустил с кровати ноги, поднялся и проковылял к выключателю у двери. Настойчивая пульсация в висках напомнила: пить так много не стоило. А потом очнулась и память.

Причины столь безответственного поведения затерялись в спутанном клубке отрывистых воспоминаний.

Попытки разобраться, отыскать что-то внятное ничего не дали.

Адам отворил ставни, и в комнату неохотно вполз приглушенный свет утренней зари.

Он отвернул пробку с бутылки, жадно приник к горлышку и не отрывался, пока не влил в себя по меньшей мере половину содержимого. На стене, прямо над кроватью, висел дешевый эстамп с изображением Христа на фоне какого-то скалистого пейзажа и с поднятой в благословляющем жесте рукой. Похоже, художник пытался придать лику Сына Божьего некое блаженное выражение, но получилось что получилось, и в результате Иисус взирал со стены на кровать устало и равнодушно, как человек, который повидал всякого и которого ничем уже не удивить. Или, может быть, он выступал в данном случае в роли судьи, выносящего оценку жалкому, тусклому представлению: только «двойка».

Гарри, вспомнил Адам. Ну почему? Почему именно сейчас? И почему он, Адам, не смог сказать решительное «нет»?

Единственным утешением и оправданием могло послужить то, что, когда синьора Фанелли вошла перед ужином в комнату с известием, что ему звонит *'Эрри*, он почему-то предположил худшее, что отца или мать постиг ужасный удар судьбы. Вскоре выяснилось, что новость чуть менее трагична: Гарри вознамерился нанести ему визит.

Благоразумие быстро перекрыло тонкий ручеек одиночества, приветствовавший эту новость.

– С какой стати, Гарри? – раздраженно спросил он.

– С такой, что ты мой младший братишка.

– То есть на прощальный обед в Пэрли ты выбраться не смог, а прокатиться в Италию для тебя не проблема?

– На твой прощальный обед в Пэрли я не попал по той простой причине, что находился в тот момент в Шеффилде.

– И чем же ты занимался в Шеффилде?

– Не твое дело. И вообще, что за обиды – в конце концов, я же позвонил, так?

– Раз уж на то пошло – нет, не позвонил.

– Ну, по крайней мере, собирался.

Разумеется, сказать, когда именно его ждать, Гарри не смог.

– Ради бога, Адам, что я, по-твоему, держу это чертово расписание в голове?

Далее он объяснил, что будет в Италии по делам, а заодно заглянет к брату.

К счастью, на сей раз – в отличие от прошлого внезапного визита – Гарри собирался приехать один. Тогда он пожаловал в Кембридж с приятелем-скульптором из Коршема, шумным, болтливым шотландцем с широкими, как у беременной, бедрами и физиономией, напоминающей мешок с гаечными ключами. К университету и всему, что так или иначе ассоциировалось с ним, Финн Дагган мгновенно проникся глубокой неприязнью, о чем и не

преминул во всеуслышание объявить. В первый вечер в баре он предложил любому из присутствующих «гнусных вонючек» попытаться отправить его под стол. Брошенный вызов принял тихий астрофизик из Тринити-Холла. В результате состязания Финн Дагган погрузился в глубокую, мрачную депрессию, в коей и пребывал весь остаток уик-энда. Избежать вспышки насилия удалось лишь благодаря выдвинутому Гарри предположению, что в пиво проигравшему подмешали какую-то сваренную в университетской лаборатории дрянь.

На сей раз Гарри собирался прибыть, к счастью, без Финна Даггана, но это вовсе не означало, что он обойдется сам по себе и не потребует внимания, обхождения и даже надзора. А между тем Адаму хватало и собственных забот.

В какой-то момент показалось, что ситуация ясна и нужно всего лишь сменить тему курсовой – с сада на саму виллу Дочки. Но эта мысль рассеялась без следа, стоило ему только пройти за тисовую ограду.

Даже сейчас Адам вряд ли смог бы объяснить, почему сад оказал на него такое сильное впечатление. В какой-то момент возникло странное, неясное ощущение, будто он перенесся в некий параллельный мир, одновременно прекрасный и тревожный.

Несомненно, тот непритязательный вход был рассчитан на определенный эффект – человек как будто попадал в некую потерянную Аркадию, – но что-то недозволенное, что-то запретное было и в другом: в том, как приходилось протискиваться через преграждавшую путь живую ограду, в каждом последующем, неким образом противозаконном шаге. Ощущение того, что ты вторгся на чужую территорию, вломился без приглашения, усиливалось интимной природой того, что находилось за оградой: трогательного посвящения, скорбного памятника умершей супруге от неутешного мужа. Другие сады той же эпохи – готовясь к поездке, Адам изучил несколько – являлись куда более грандиозными сценами, на которых разыгрывались важнейшие идеи века: ненадежное сосуществование Человека и Природы; Человека, формирующего Природу под свои нужды и при этом постоянно борющегося с ее властью над ним, старающегося подняться над своими низменными инстинктами, дабы исполнить роль, уготовленную для него Богом.

Не то чтобы Бог или какие-то другие христианские образы фигурировали в тех искусных кругах, что устраивали в своих загородных поместьях богатые римляне и флорентинцы. Сад говорил на языке исключительно языческом; его мир, мифический земной рай, населяли мраморные боги, полубоги и другие существа из греческих и римских сказаний. И вода там, низвергаясь с Парнаса, разбегалась по каналам, срывалась в водопадах, была в фонтанах и журчала, стекая по каменным стенам лесных гротов.

Мемориальный сад на вилле Дочки твердо следовал этой традиции. Да, он не мог сравниться со знаменитыми виллами своего времени – виллой ди Кастелло, виллой Гамберайя, виллой Кампи – размерами и роскошью, но выделялся человеческим измерением, чистотой цели, безмолвным посланием любви и потери, застывшим в зданиях, надписях и группировке запрятанных в лесу статуй.

За тот час или чуть больше, что Адам ходил по тропинкам, сад успел заинтриговать, взволновать и зацепить его, тогда как вилла просто поразила своим безмятежным совершенством.

Решить эту дилемму он пытался и за обедом в пансионе, когда на столе, прямо у него под носом, появилась вдруг бутылка вина.

Бутылку держала жилистая мужская рука, служившая человеку, которого Адам заметил чуть раньше в баре, где незнакомец пил в одиночестве. Был он смугл, гибок и хорош собой – для тех, кому по вкусу дерзкие, растрепанные проказники.

– Можно? – спросил незнакомец по-итальянски, отбросив упавшую на глаза прядь лоснящихся волос, и, не дожидаясь ответа, сел напротив. Взгляд его упал на открытую папку у тарелки Адама. – Нехорошо.

– Что?

– Читать и есть одновременно. Желудку, чтобы переваривать пищу, требуется кровь. А когда читаешь, кровь уходит к мозгам.

– Неужели?

– Так говаривал мой отец, но он был идиот, так что кто знает? Меня зовут Фаусто.

Адам пожал протянутую мускулистую руку.

– Адам.

– Можно? – Фаусто вытряхнул сигарету из пачки Адама, оторвал фильтр и только потом прикурил. – Англичанин?

– Да.

– Мне англичане нравятся, – сообщил Фаусто, откидываясь на спинку стула и снимая с языка крошку табака. – Лондон, Ливерпуль, Манчестер, 'Астингс.

– Астингс?

– Битва при 'Астингсе.

– А, Гастингс.

– Точно, 'Астингс. – Фаусто нахмурился, недовольный тем, что его поправили, но бутылку не убрал и стакан новому знакомому долил до края.

Адам пригубил.

– Ну, как тебе?

Зная выражение «пить можно», Адам аналитически сконструировал и противоположное – «пить нельзя», *non potabile*.

– Отличное вино.

Фаусто улыбнулся:

– Вот за что я люблю англичан. Вы такие, черт возьми, вежливые.

Вскоре выяснилось, что Фаусто подсел к Адаму не просто так. От синьоры Фанелли он уже знал, зачем и даже на какое время приехал гость. Впрочем, ничего особенного в этом не было – туристов в Сан-Кассиано заносило редко, так что каждый становился своего рода временной достопримечательностью и главным объектом разговоров. Последними иностранцами здесь были, похоже, новозеландцы, которые и освободили город от немцев в 1944-м. Фаусто подробно – большинство деталей, впрочем, так и осталось для Адама непонятыми – расписал жестокую осаду, которой подвергся его родной город. К сожалению, избежать трагедии было невозможно, поскольку именно Сан-Кассиано играл важнейшую роль в главной оборонительной линии немцев к югу от Флоренции.

Несмотря на это, Фаусто питал неприязненное уважение к германской военной машине, которая столь успешно сдерживала продвижение союзников на север, минирруя мосты и дороги, ведя изматывающие арьергардные бои с превосходящими силами противника, неся тяжелые потери, но притом сохраняя военную дисциплину и высокий боевой дух и неизменно прекращая огонь при появлении Красного Креста.

Фаусто рассказывал о том, что хорошо знал сам, что испытал на собственной шкуре. Он состоял в партизанском отряде, помогавшем союзникам в наступлении на Флоренцию, сражался бок о бок с британцами, когда те вошли в город. С парнями из «Лондона, Ливерпуля, Манчестера».

И Гастингса?

Нет, это уже другая песня, объяснил Фаусто. Просто его всегда интересовали исторические сражения.

Тут он, конечно, соврал. О битве при Гастингсе Фаусто знал все и немного больше. Нормальный человек знать столько не мог. К тому моменту, когда Харольд получил в глаз стрелу, они уже приступили к третьей бутылке.

Фаусто живописал эту самую сцену, помогая себе зубочисткой, когда к столу подошла синьора Фанелли.

– Фаусто, оставь парня в покое. Посмотри, он уже чуть жив.

Фаусто вперил взгляд в Адама.

– Оставь его в покое. Хватит. Иди домой, уже поздно, – повторила синьора Фанелли и вернулась к бару.

– Красивая женщина, – задумчиво произнес Фаусто, угощаясь очередной сигаретой из пачки Адама.

– А что случилось с ее мужем?

– Война. На войне всякое бывает.

– Так что случилось?

Фаусто прищурился, словно решая, достоин ли Адам ответа.

– Мы дрались за свою страну. За нашу страну. Против немцев – да, но также против других – коммунистов, социалистов, монархистов, фашистов. Мы дрались за будущее. Была... путаница. Бывало всякое. Война это позволяет. Она это требует. – Он затянулся. Выдохнул. – Джованни Джентиле. Слышал о таком?

– Нет.

– Он был философом. Мыслителем. Правым. Фашистом. Имел дом во Флоренции. К нему пришли с книгами, притворились студентами. А когда он открыл дверь, расстреляли. – Фаусто отхлебнул вина. – Когда убивают мыслителей, прислушайся – где-то рядом смеется дьявол.

– Вы их знали?

– Кого?

– Тех, кто это сделал.

– Ты задаешь много вопросов.

– Просто раньше не получалось, вот и воспользовался шансом.

Фаусто усмехнулся. Рассмеялся.

– Да, верно, говорю я много.

– Ну что? – крикнула от бара синьора Фанелли. – То ты не появляешься месяцами, то от тебя не избавишься.

– Ухожу, ухожу. – Фаусто поднял руки и, повернувшись к Адаму, наклонился ближе. – Ты делаешь что-то и думаешь, что поступаешь правильно, но проходит время, и прежние утешения больше не действуют и уснуть не помогают. Это единственное, что я понял в жизни. Мы все думаем, что знаем ответ, и мы все ошибаемся. Черт, я даже не уверен, что мы знаем, какой был вопрос.

Адам же в этих словах нашел утешение для себя: Фаусто, оказывается, еще пьянее, чем он сам.

Итальянец осушил стакан и поднялся:

– Приятно было поболтать. Ты будь там осторожен. На вилле Доччи.

– Почему вы так говорите?

– Плохое это место.

– Плохое место?

– Всегда таким было. Люди там имеют склонность умирать.

Заявление прозвучало настолько мелодраматично, что Адам невольно улыбнулся.

– Думаешь, я шучу?

– Нет... извините. Вы имеете в виду сына синьоры Доччи?

– Ты слышал об Эмилио?

– Только то, что его убили немцы во время войны.

Фаусто раздавил в пепельнице сигарету.

– Да, так говорят.

Зацепиться за эту последнюю реплику Адам уже не успел.

– Вон! – потребовала синьора Фанелли, приближаясь к ним с грозно поднятой щеткой. Фаусто повернулся, чтобы встретить опасность лицом к лицу.

– Летиция, ты чудесная женщина. Будь я побогаче, постарался бы взять тебя в жены.

– Ох, ох, – проворковала синьора Фанелли. – Так вот, сегодня ты стал еще беднее. Три бутылки вина.

– Я заплачу, – сказал Адам.

– Он заплатит, – подхватил Фаусто.

– Нет, не заплатит, – возразила хозяйка.

Порывшись в карманах, Фаусто выгреб несколько мятых бумажек и положил их на стол.

– Всем спокойной ночи. – Он слегка поклонился. – Фаусто здесь больше нет.

С его уходом в зале стало тише и как будто темнее.

Синьора Фанелли принялась убирать стулья.

– Фаусто, Фаусто, – устало вздохнула она. – Вы только не принимайте его слишком уж всерьез – у него сейчас что-то вроде депрессии.

– Почему?

– Коммунисты не слишком удачно выступили на выборах в мае. Набрали всего двадцать два процента, бедняги. – В ее голосе отчетливо прозвучало наигранное сочувствие.

Похоже, двадцать два процента считались здесь чем-то незначительным.

– Вы не коммунистка? – спросил Адам.

– Коммунизм для молодых и голодных. Посмотрите на меня.

Он с удовольствием отпустил бы комплимент, на который она напрашивалась, но нужные итальянские слова затерялись.

– Фаусто не молод, – сказал Адам.

– Фаусто родился идеалистом. Это не его вина.

Уходить не хотелось. Он посидел бы еще, поболтал ни о чем, полюбовался игрой ее стройных, обтянутых платьем бедер. Но она отправила его наверх – с бутылкой минеральной воды и твердым наказом выпить ее перед тем, как лечь спать.

Не получилось.

Вернувшись в комнату, Адам хлопнулся на матрас и стал прокручивать в голове небольшой приятный сценарий. Последним, что осталось в памяти перед тем, как он провалился в тяжелое пьяное забвение, был Гарри, вломившийся в комнату в тот самый момент, когда синьора Фанелли сбросила с плеч изумрудно-зеленый шелковый халатик.

Глава 7

Прогулка до виллы Дочки не помогла – в голове не прояснилось, и боль всего лишь переместилась из лобной части в затылочную, где и обосновалась, как подсказывал богатый опыт, до конца дня. Жара под безоблачным небом быстро набирала силу, и к тому времени, когда он добрался до пункта назначения, рубашка уже промокла насквозь и прилепилась к спине.

Адам изначально приготовился к тому, что решение дастся трудно и ему еще долго придется убеждать себя и бороться с сомнениями. Однако все произошло совершенно естественно, когда он даже не закончил обход сада.

Что-то в этом месте было не так, и именно в этом таилась непонятная привлекательность сада, его притягательная сила. Тайна не кричала в уши, не заявляла о себе во весь голос, не требовала немедленных ответов – ее зов звучал тревожащим шепотом где-то в затылке.

В документах указывалось, что Флора умерла в 1548 году, через год после завершения строительства виллы Дочки, но почему же ее муж ждал почти тридцать лет – почти до собственной кончины, – чтобы заложить сад в память о супруге? Кроме того, в самом саду бросались в глаза кое-какие аномалии, элементы не то чтобы диссонирующие, но несколько не соответствующие общему настроению и тону. Зачем, например, понадобилось возводить ту триумфальную арку с выгравированным в итальянской форме именем Флоры? Само это венчающее насыпь сооружение выглядело нелепо и помпезно, как какая-то реклама. Ни одна другая деталь сада не заявляла открыто о своей цели. Скорее, все здесь скрывало ее, прятало за символами, метафорами и аллегориями.

В глубине души Адам признавал, что к предпочтению сада в сопоставлении с виллой его подталкивает и еще одно, более прагматическое соображение: наличие папки с документами, подобранными отцом синьоры Дочки. Документы эти предлагали готовую модель для работы, своего рода лекало для будущей курсовой, образец, который нетрудно дополнить и расширить с минимумом усилий. Да, материалы изложены коротко и сухо, но они выверены и точны. И в тексте, и в примечаниях содержатся многочисленные ссылки на источники или книги, найти которые можно в библиотеке. Понадобится всего лишь несколько дней, чтобы сначала детально все сверить, а потом оценить значимость и потенциал для дальнейшего использования.

Вилла подарила долгожданное отдохновение от зноя. Первой, кого он встретил, была Мария, раздававшая указания двум страшноватым уборщицам и хмурому Фосколо, выполнявшему обязанности разнорабочего.

Адам расположился в кабинете. Светлый и просторный, он занимал северо-западный угол здания, сразу за библиотекой. Окна выходили на заднюю террасу. В отличие от других комнат, обставленных скупой и просто, кабинет был заполнен мебелью, картинами, книгами и всякой всячиной, как будто все столь знаменательно отсутствующее в остальных помещениях каким – то образом собралось здесь.

На стене, над камином, висел небольшой портрет Федерико Дочки, о котором синьора Дочки упомянула накануне. Это был приятный мужчина средних лет, с резкими, едва сглаженными возрастом чертами. Он сидел на высоком стуле, положив руки на книгу, и в окне у него за спиной виднелись уходящие к далекому морю холмы. В наклоне головы и твердом взгляде темных глаз ощущались жесткость и властность, но на широких, полных губах играла тень улыбки – казалось, он посмеивается над самим собой. Противоречие это лишь добавляло мужчине привлекательности.

Большой застекленный стеллаж красного дерева заполнял стену за письменным столом. На нижних полках стояли книги, в большинстве своем на тему этрусков. Немалое место было отдано трудам по антропологии. Здесь присутствовали тексты на нескольких языках – итальянском, французском, английском и голландском. На верхних полках нашли приют самые разнообразные и весьма необычные предметы, преимущественно археологические находки: глиняные фигурки, орудия из бронзы, обломки керамики, фрагменты каменных скульптур и тому подобное. На самой верхней обнаружили два черепа, их пустые глазницы казались за стеклом глубокими озерцами тени.

Открыв дверцу и поднявшись по принесенной из библиотеки приставной лесенке, Адам оказался лицом к лицу с жуткими экспонатами. Черепа были не человеческие – хотя и имели с ними немалое сходство – и принадлежали каким-то приматам. Сравнимые по размерам с человеческими, они заметно отличались от последних. Череп слева был уже и менее угловат. Его сосед поражал длинными клыками, выдающимися скулами и костным гребнем, пересекающим череп от уха до уха и соединяющимся в верхней точке с двумя наростами, идущими от края глазниц.

Приподнявшись на цыпочках, Адам поднес руку к черепу и провел пальцами по бороздкам.

И тут же услышал шаги.

Повернувшись, он увидел Марию, входящую в кабинет с террасы. Брошенный ею укоризненный взгляд наверняка согнал бы его с лесенки, если бы он уже не спускался.

– Очень интересно, – виновато пробормотал он, кивая за спину.

– Кофе будете?

– Да, спасибо.

Мария остановилась и повернула к двери в библиотеку.

– *Orangotanghi*. – Она бросила короткий взгляд на черепа.

– О... да...

Едва за ней закрылась дверь, как Адам уже схватился за словарь.

Он все правильно понял.

Несмотря на предложение приготовить кофе, Мария с заметным облегчением восприняла известие о том, что кормить гостя ланчем не требуется. Около трех часов она снова появилась в кабинете с сообщением, что Адама желает видеть хозяйка.

Синьора Дочки сидела в постели, протирая лицо и шею свежим фланелевым полотенцем. Рядом с ней, на кровати, стояла печатная машинка с неоконченным письмом, надежно зажатым стальными челюстями.

– Я попросила Фосколо приготовить для вас велосипед. Чтобы не приходилось каждый раз ходить пешком.

– Спасибо, вы очень добры.

– В такую жару и умереть недолго, а мне бы не хотелось обременять свою совесть.

Она поинтересовалась, как продвигается работа, и он признался в своей проблеме и принятом решении.

– Вам нравится дом?

– Да. Очень.

Она с явным одобрением выслушала его объяснение. Адам спросил, кто был архитектором.

Синьора Дочки пожала плечами:

– Никто толком не знает. Где-то встречалось упоминание о некоем молодом человеке, Фульвио Монтальто. Мой отец занимался этим вопросом, но никаких записей не обнаружил.

Он как будто исчез. В любом случае никакой другой виллы этот Монтальто уже не построил. Печально, не правда ли? Большой талант.

– Да.

– Я рада, что вы так думаете. Этот дом открывается не каждому. Криспин, например, никогда не считал его чем-то особенным.

Слышать, как профессора Леонарда называют Криспином, было непривычно, и Адам ответил не сразу.

– Наверное. При мне он ни разу о нем не упомянул.

– А о чем упомянул?

– Разумеется, о саде.

По выражению лица Адам понял, что, задавая вопрос, она имела в виду другое.

– Сказал, что вы старые друзья.

– О да, мы старые друзья.

– Еще о том, что ваш муж умер несколько лет назад. И что ваш старший сын погиб во время войны.

– Эмилио. Да. Что именно рассказал Криспин?

– Только то, что его убили захватившие виллу немцы.

– Они его застрелили. Хладнокровно. Там, вверху. Над нами. – Она вздохнула.

Адам хотел спросить, почему, и как это случилось, и не потому ли верхний этаж до сих пор закрыт. Но в ее глазах застыла такая боль, что он воздержался от вопроса.

– Вы не должны рассказывать, если...

– Расскажу. Лучше уж вам услышать все от меня.

Она заговорила – сухо, отстраненно, монотонно, – словно рассказывала о чем-то обыденном и заурядном, а не о кровавой драме. По ее словам, немцы заняли виллу, чтобы использовать ее в качестве командного пункта, поскольку с верхнего этажа открывался отличный вид на окрестности. Синьора и ее муж, Бенедетто, перебрались к Эмилио и его молодой жене, Изабелле, которые жили в большом доме на склоне, за хозяйственными постройками.

Отношения с новыми жильцами бывали порой напряженными, но не выходили за границы приличий. Немцы с самого начала отнеслись к хозяевам уважительно, заранее предупредили о том, что с виллы нужно съехать, предложили убрать предметы искусства и даже помогли вывезти их в безопасное место. На склады никто не покушался, скот сохранялся, винные подвалы не разорялись. Поместью позволили функционировать, как и раньше, но при условии, что оно будет обеспечивать оккупантов небольшим необходимым.

В тот трагический день – невыносимо жаркий июльский день – начатое союзниками наступление докатилось наконец до Сан-Кассиано, и немцы приступили к эвакуации. Весь день к вилле подъезжали грузовики и, забрав ящики, уезжали под доносящееся от дороги громыханье боя. Младший сын синьоры, Маурицио, приехал из Флоренции, чтобы вместе с семьей встретить других оккупантов. Тем не менее к вечеру городок все еще оставался в руках немцев. Вот почему собравшаяся за обедом семья так удивилась, когда со стороны виллы донеслись звуки автоматных выстрелов.

Эмилио сам настоял на том, чтобы сходить на виллу и узнать, что там происходит. Руководило им скорее любопытство, чем что-то еще, потому как стрельба сопровождалась музыкой и смехом. Вместе с ним согласился пойти Маурицио и еще один человек, садовник Гаетано, который тоже слышал шум.

Подойдя к вилле сзади, они увидели, что из окон третьего этажа выбрасывают на террасу мебель. Разгневанный Эмилио бросился наверх. Маурицио и Гаетано последовали за ним. Большинство немцев уехали. Двоим оставшимся поручили сжечь документы и уничтожить оборудование, чтобы оно не досталось союзникам. Подогрев себя спиртным, солдаты

решили развлечься стрельбой по фрескам и метанием мебели в окно. Тупой, бессмысленный акт разрушения привел Эмилио в бешенство.

Разгорелся спор. Наверное, дальше перебранки дело бы и не пошло, но Эмилио выхватил пистолет и дал предупредительный выстрел. На немцев предупреждение не подействовало. Они открыли огонь, застрелили Эмилио и скрылись.

– Ужасно.

– Да, ужасно. Нам не хватило нескольких часов, чтобы пройти войну без потерь.

Адаму еще хотелось о многом спросить, но синьора Дочки направила разговор в другое русло, заметив, что в то трудное время профессор Леонард показал себя настоящим другом.

– Как вы познакомились?

– Через моего отца. Они вместе работали на археологических раскопках. Хотя нет, не совсем вместе. Раскапывали этруское поселение возле Сиены. Мой отец руководил проектом, а Криспин был одним из тех молодых людей, на долю которых выпадает вся работа, студентом, приехавшим в Италию на лето. В тот год умерла ваша королева Виктория. Да, 1901-й. Конечно, мы все здесь знали об этом. Она часто приезжала во Флоренцию. Папа однажды даже имел честь встретиться с ней. – Синьора Дочки помолчала. – Короче, как-то раз он привез Криспина домой. Из жалости. Как приводят бродячего пса. Криспин был такой бедный, такой худой и такой умный. В то, первое, лето он прожил у нас целый месяц.

Она улыбнулась воспоминаниям.

– Мои сестры ужасно из-за него волновались. Но не я. Я держала его на расстоянии, смотрела на него сверху вниз. А он совершенно меня игнорировал. Можете представить, как это раздражало и задевало. Мне казалось, он такой же, как мой отец – вечно погружен в книги, интересуется только своими артефактами, настоящего мира не замечает. В действительности же он прекрасно знал, что делает, но я поняла это много позже.

– И что же он делал?

– Играл. Вел танец, так он это называл.

– Танец?

– Под танцем Криспин понимал ухаживание.

– Ухаживание? Правда? А я всегда думал... – Адам не договорил.

– Что?

Он замялся:

– Не знаю... я думал, что он... ну...

– Да?

– Что он гомосексуалист.

Синьора Дочки ахнула от неожиданности и, не сдержавшись, рассмеялась.

Потом, когда она успокоилась, прижав к губам полотенце, Адам спросил:

– То есть я ошибался?

– Да. – Она энергично кивнула. – Да!

– Но ведь он так и не женился.

– Возможностей у него хватало. Он был очень хорош собой.

Представить такое было трудно, но это еще ничего не значило.

– Криспин очень вас хвалит, – сказала синьора Дочки.

– Меня?

– Вы, кажется, удивлены?

– Да.

– Но ведь вы здесь, не так ли? Разве это ни о чем вам не говорит?

– А должно?

– Я уже много лет назад предложила Криспину прислать кого-то из студентов для изучения сада. Он ответил, что подождет достойного.

Но ведь профессор сказал, что приглашение пришло лишь недавно? Одно противоречило другому. Кто же из них говорит неправду? И почему?

– Очевидно, Криспин счел достойным вас. У вас острый, любознательный ум. – Она, должно быть, заметила его неловкость. – Не привыкли к лести? Неловко себя чувствуете?

– Да.

– Еще он сказал, что вы весьма ленивы.

– Это больше похоже на правду.

Синьора Дочки снова рассмеялась.

Ему все же удалось поработать в библиотеке еще пару часов. Но в голову лезли и другие мысли.

Почему профессор Леонард даже не намекнул на то, какие отношения связывают его с синьорой Дочки? Если он понял ее правильно – а в этом Адам не сомневался, – все указывало на любовный роман. Впрочем, само выражение «любовный роман» звучало в данном случае не вполне уместно. В 1901-м под ним понималась, может быть, невинная прогулка по саду или брошенный через комнату взгляд. Хотя в этом Адам почему-то сомневался. Похоже, синьора Дочки могла бы рассказать еще о многом. А как она рассмеялась, когда он намекнул на свои подозрения в отношении сексуальной ориентации профессора Леонарда.

Но почему они расстались? Что их развело? Возможно, эти отношения были обречены с самого начала: бедный студент и юная наследница – не самая подходящая пара. Как старшая из дочерей, синьора Дочки должна была унаследовать виллу. В таких обстоятельствах и к будущему супругу наверняка предъявлялись повышенные требования. В первую очередь принималось во внимание будущее виллы, а значит, и мужа подбирали обеспеченного и с перспективами. Юный иностранец, археолог, питающий интерес к этрускам, вряд ли имел какие-то шансы.

Конечно, эти рассуждения строились на зыбком основании, но Адам все же позволил себе пофантазировать, пока не пришло время уходить.

Фосколо, которому синьора поручила подготовить для Адама велосипед, настоял на том, чтобы произвести передачу транспортного средства лично. У него была большая квадратная голова, посаженная на маленькое квадратное тело, и короткие, жесткие, как проволока, седые волосы. Сам велосипед не представлял собой ничего особенного – старый, черный, с плетеной корзинкой на раме, – поэтому Адам пожал Фосколо руку и сказал «спасибо». Но для Фосколо этого оказалось мало. Он хотел подтверждения, что машина на ходу и все работает как должно. На глазах у единственного зрителя Адам послушно сделал два круга по двору и заявил, что тормоза превосходны. Фосколо скептически хмыкнул и поднял седло на пару дюймов.

Возвращаясь в Сан-Кассиано, Адам отклонился от главной дороги. Пыльный просек привел его к оливковой роще. Как оказалось, попытка того стоила. Оттуда открывался впечатляющий вид на виллу Дочки. Молчаливые, с закрытыми окнами, комнаты наверху выглядели издали еще более зловеще.

Мысли повернули к рассказу синьоры Дочки о смерти ее старшего сына от рук немцев. Вспомнился ему и любопытный комментарий на эту тему Фаусто. Как это он сказал? *Così dicono?*

Такая вот история.

Глава 8

То ли он так увлекся, что не услышал ее шагов, то ли она нарочно подкралась незаметно. Возможно, и одно, и другое.

Адам стоял у спуска в долину, над амфитеатром, и смотрел на триумфальную арку. Теплые лучи заходящего солнца просачивались между деревьями, накладывая на сад янтарные тона. Даже темная чаща каменных дубов за аркой казалась не такой мрачной и пугающей.

Родник обнаружился именно здесь – в искусственном гроте имелся каменный желоб. При нормальных обстоятельствах вода, заполнив желоб, стала бы стекать в канал, который шел от арки к верху амфитеатра, где разделялся надвое.

– Привет.

Она стояла слева от него, под низкими ветвями дерева. Длинные черные волосы убраны назад и завязаны в хвостик, легкое, без рукавов, платье перехвачено пояском.

– С тех пор как я вас заметила, вы даже не шевельнулись, – сказала она по-английски и направилась к нему.

Сначала Адам подумал, что это какая-то игра света, но, когда она подошла ближе, понял: ее высокий, гладкий лоб портили шрамы. Один, короткий, находился под самой линией волос, в середине лба; другой, отходя от первого, шел диагонально к левой брови.

– Я уж подумала, что в саду появилась новая статуя. – Она говорила на английском хорошо, но с заметным акцентом.

Адам улыбнулся в ответ на шутку:

– Извините, задумался.

Он посмотрел в глубокие, темные глаза, сознательно стараясь не соскользнуть взглядом выше. Впрочем, если бы это и случилось, она, похоже, огорчаться бы не стала. Хотела бы скрыть шрамы, носила бы волосы по другому, а не убирала их с лица.

– Вы, должно быть, Адам.

– Да.

– А я – Антонелла.

– Вы ее внучка, да?

– Она рассказывала вам обо мне?

– Сказала только, что вы безобидная.

– А-а, – в слегка раскосых глазах вспыхнула ус мешка, – она думает, что знает меня.

Антонелла повернулась к арке.

– Вы смотрели на нее. И о чем думали?

– Она не симметричная.

– Неужели?

– Декоративные панели сбоку – посмотрите, – диагонали идут одинаково.

Ветры, дожди и солнце оставили на камне свои следы, кое-где обосновался лишайник, и все же обнаружить аномалию было не так уж трудно.

– А я и не замечала, – негромко сказала Антонелла. – И что это значит?

– Не знаю. Может быть, ничего. – Адам посмотрел на нее. – По-моему, немного нарочито, вам так не кажется?

– Нарочито?

– Я имею в виду арку. Она выглядит... претенциозно.

– *Pretenzioso*? Может быть. Немного. То есть вам не нравится?

– Нравится. Просто...

Он не договорил, поймав себя на том, что и сам вот-вот заговорит напыщенно.

– Продолжайте, – попросила Антонелла. – Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду.

Триумфальная арка – классическая архитектурная форма, популярность которой возросла в эпоху Ренессанса, объяснил Адам, но в других садах ничего подобного ему до сих пор не встречалось. Более того, присутствие арки нарушает общий тон ненавязчивого символизма, того тихого голоса, которым говорит остальной круг.

Может быть, из вежливости Антонелла спросила, не желает ли он поделиться с ней другими открытиями. Ему следовало ответить, что делать какие-то выводы пока еще слишком рано, но эти мысли отступили перед перспективой приятной прогулки в компании внучки синьоры Дочки.

Такой уходящий вниз по склону амфитеатр вовсе не есть нечто эксклюзивное, объяснил Адам, хотя он и уже, и отвеснее, чем, например, амфитеатр в *Sacro Bosco*, Священном лесу, в Бомарзо, под Римом. Что интересно, Пьер Франческо Орсини тоже посвятил сад своей умершей супруге, Джулии Фарнезе, хотя на этом параллели и кончаются. В сравнении с мятежным воображением *Sacro Bosco* с его мавзолеями, нимфами, галереями и храмами, с его ошеломляющим парадом высеченных из камня причудливых созданий – сирен, сфинксов, драконов, львов, гигантской черепахи и даже боевого африканского слона, держащего в хоботе убитого солдата, – мемориальный сад на вилле Дочки выглядел упражнением в сдержанности.

Примером этого более сдержанного подхода была статуя Флоры на постаменте у вершины амфитеатра. Сама ее поза – в повороте, с согнутой левой ногой – считалась традиционной, типичной для второй половины шестнадцатого века и нашедшей наивысшее выражение в скульптурах Джамболоньи и Амманнати. Фактически, на что указывалось и в одном из документов из папки, Флора была скопирована с мраморной Венеры Джамболоньи, стоявшей в Садах Боболи во Флоренции, хотя ей, как и многим из расплодившихся копий шедевра, недоставало грации и витальности оригинала.

– Насчет других не знаю, – сказала Антонелла, когда они обошли статую, – но для меня она живая.

Судя по тону и упрямому выражению лица, ожидалось, что Адам примет вызов и получит отпор, но он промолчал, и Антонелла добавила:

– Дотроньтесь до ее ноги.

Лучше бы она этого не говорила. И не делала то, что сделала, – подняла руку и медленно прошла пальцами по внутренней стороне мраморной икры, от подошвы до изгиба колена, – не оставив ему иного варианта, как только последовать ее примеру.

Он попытался почувствовать что-то – он даже хотел испытать хоть какое-то ощущение – и почувствовал.

– Что вы чувствуете? – спросила Антонелла.

– Я чувствую себя потным англичанином, покушающимся начесть обнаженной статуи в присутствии незнакомки.

Антонелла громко хохотнула и с опозданием прикрыла рот ладошкой:

– Извините. Может быть, со временем и вы станете воспринимать ее по-другому.

– Может быть.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Хотите слушать?

– Если бы могла, я приходила бы сюда каждый день.

В том, что статуя Флоры скопирована с Венеры, нет ничего удивительного, продолжал Адам, поскольку две эти богини очень тесно связаны. Обе ассоциируются с плодородием и весной. Вполне возможно, что богиня любви и богиня цветов появились вместе и на двух самых известных картинах Ренессанса: «Весна» и «Рождение Венеры» Сандро Боттичелли.

– Правда?

– Как сказать... Это новая теория. Очень новая.

– Ага, – скептически протянула Антонелла.

– Вы правы. Может быть, это и не так. – Он пожал плечами, прекрасно понимая, что если она и впрямь очарована садом и даже готова приходить сюда каждый день, то его теория уже захватила ее.

– Вы все-таки расскажите.

Пересказывать историю Флоры не пришлось – Антонелла тоже читала собранные в папке документы. Ее прадедушка включил в документ отрывок из Овидиевых «Фастов», с подробным описанием того, как Зефир, западный ветер, преследовал нимфу Хлорис, как, догнав, овладел ею и как, заглаживая вину, взял ее в жены и превратил в повелительницу всех цветов, Флору.

Никто и никогда не оспаривал того факта, что и Зефир, и Хлорис фигурируют на картине Боттичелли «Весна», но до последнего времени исследователи полагали, что фигура, стоящая слева от них, есть хора – дух – весны, разбрасывающая цветы. Отсюда и название картины.

– А что, если на самом деле она – Флора?

– После превращения?

– Вот именно.

– Не знаю. И что тогда?

Тогда картину можно было бы интерпретировать как аллегорию природы любви. Ставя рядом Флору – продукт вожделения и страсти – и непорочную Венеру, Боттичелли, возможно, хотел сказать, что истинная любовь есть союз обеих – страсть, умеренная невинностью.

То же скрытое послание можно было прочесть и в «Рождении Венеры». Присутствие Зефира и Хлорис как бы намекало на то, что женщиной на берегу, поддерживающей мантию Венеры, вполне может быть Флора.

– И Венера снова олицетворяет непорочность?

– Именно так. Венера *pudica*.

Антонелла улыбнулась, когда он, иллюстрируя сказанное, принял хорошо всем известную позу Венеры в ее раковине.

– Хорошая теория.

– Вы так считаете?

– Да. Потому что если так, то Флора – символ эротики, сексуальности.

– Полагаю, что так оно и есть.

Антонелла снова посмотрела на Флору.

– А теперь вы видите?

Он повернулся.

– Посмотрите, как она стоит – бедра отвернуты, но вместе с тем и раскрыты. Приглашающе раскрыты. Рука прикрывает груди, но лишь слегка, небрежно, как будто ей это и не очень-то нужно. Посмотрите на лицо, глаза, рот. Она не *uno innocente*.

Теперь Адам понял, к чему ведет Антонелла. Может быть, он и ошибался, списав некоторую расслабленность позы на неопытность второразрядного скульптора. Может быть, мастер и не стремился передать изысканность и стыдливость, но искал выражение чего-то

более свободного, более чувственного. Нет, неверно. Похоже, он достиг и одного, и другого – показной застенчивости в сочетании с мощным эротическим посылом.

– Так я не ошибаюсь?

– А? – рассеянно переспросил он.

– Я ведь не одна так думаю. Теперь и вы тоже это видите.

– Возможно.

– Возможно? Так не пойдет, – возмутилась Антонелла. – Либо да, либо нет.

– Хорошо. Вы не ошибаетесь.

– А вот все остальные с вами бы не согласились. Бабушка считает, что я все выдумываю и что это многое обо мне говорит.

– И что же, по ее мнению, это о вас говорит?

Едва задав вопрос, он понял, что дал маху и переступил границы дозволенного.

– Сейчас это не важно, – ответила Антонелла, – потому что мы правы, а ошибается она.

Адам невольно улыбнулся тому, с какой легкостью она отвела неуместный вопрос и помогла избежать неловкой ситуации, в которую он едва не загнал себя сам. Впрочем, мысли уже скакали вперед, вопросы множились, теснились. Было ли сделано это сознательно? Если да, то почему? Почему убитый горем муж позволил, чтобы его жену представили в образе стыдливой и одновременно капризной богини, некоей девственницы-блудницы?

Вопросы так и роились в голове, когда они зашагали вниз по склону, к спрятавшемуся под разросшимися лаврами гроту.

На темном фоне задней стены статуи казались особенно бледными и напоминали неподвижных призраков. В центре, повернувшись влево, стояла Дафна, застигнутая в момент превращения в лавровое дерево, – пальцы ног уже врастали корнями в землю, кора сковала бедра, из пальцев левой, в отчаянии воздетой к небесам руки вырастали веточки и листочки. Справа от нее застыл тот, от кого убегала нимфа, Аполлон – юный красавец с неперменной лирой в руке и луком за широкой спиной. Внизу, под ними, у края большой чаши из пурпурного с белым мрамора, возлежал пожилой бородач. То был речной бог Пеней, отец Дафны.

Сюжет был позаимствован из «Метаморфоз» Овидия: нимфа Дафна убегает от охваченного любовной лихорадкой Аполлона и просит отца превратить ее в лавровое дерево, что тот и делает. Миф как нельзя лучше подходящий для устройства сада – Искусство и Природа соединяются в фигуре Дафны. В документах говорилось, что барельеф с этой же самой сценой можно найти в гроте Дианы на вилле д' Эсте в Тиволи. Но здесь, в мемориальном саду, миф получал дополнительное звучание, отражая историю Флоры, нимфы, также испытавшей метаморфозу из-за домогательств любвеобильного бога.

Последнее наблюдение принадлежало Антонелле. В документах ни о чем таком не упоминалось, и в голову Адаму ничего подобного не приходило, что служило источником некоторого раздражения и злости на себя самого. Впрочем, досада, как он предполагал, вряд ли могла помешать использовать открытие Антонеллы в будущей курсовой как свое собственное.

Она объяснила, как вода, вытекая из поддерживаемой Пенеем чаши, наполняет мраморный резервуар и изливается в небольшой круглый бассейн в каменном полу. Помещенный в центре углубления барельеф изображал обращенное к небу женское лицо, разверстый рот которого выполнял функцию сточного отверстия. Цветы в спутанных волосах указывали на то, что лик принадлежит именно Флоре. Вся эта композиция, безупречная и по исполнению, и по месту в общей планировке, полностью отвечала главной цели сада. Единственной фальшивой нотой был обломанный рог единорога, опустившегося на колени перед Аполлоном и склонившего голову к мраморной ванне. Вполне типичный мотив для сада того периода. Единорог, окунающий рог в воду, символизировал чистоту источника, питающего сад,

а значит, любой мог зачерпнуть пригоршню воды и выпить ее, не опасаясь за свою жизнь. Однако в какой-то момент единорог утратил большую часть рога.

Адам ошупал усеченный обрубок:

– Жаль.

– Да, жаль. Что за единорог без рога?

– Белый конь?

Антонелла улыбнулась:

– Очень несчастный белый конь.

Они вышли из грота и повернули на запад по тропинке, уходящей в вечнозеленый лес, плотно укрывающий стены долины. Деревья защищали от прямых лучей, тень дарила облегчение от зноя, и никто не спешил. Антонелла, как выяснилось, жила на другой стороне долины, в сельском доме, который снимала у своей бабушки. Летом там было восхитительно прохладно, а вот зимой жутко холодно, и, когда вода замерзала, девушка взяла за правило уезжать во Флоренцию, где у ее брата была квартира. Антонелла и Эдоардо были детьми единственной дочери синьоры Дочки, Катерины, женщины, которую профессор Леонард назвал «беспутной». Глядя на свою новую знакомую, уравновешенную и спокойную, Адам никак не мог согласиться с такой характеристикой.

Антонелла объяснила, что ее родители развелись, что мать живет в Риме, а отец в Милане, где занимается каким-то бизнесом весьма сомнительного свойства, обещающим немислимые дивиденды и неизменно наталкивающимся в последний момент на непреодолимые препятствия. Она рассказывала об этом с мягким юмором.

Они уже миновали первую полянку с ее триадой отдельно стоящих скульптур, представляющих смерть Гиацинта, и приближались к маленькому храму у подножия сада.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался Адам.

– Я? О, я занимаюсь дизайном одежды. Что, не верите? – Она развела руки, демонстрируя свое простенькое хлопчатобумажное платье.

– Я... да...

Антонелла улыбнулась, и он замолчал.

– Мои платья веселее этого, в них больше цвета. Хотя вообще-то они и не мои. На всем, что я делаю, стоит чужое имя.

– Как так?

– Я работаю в доме моды во Флоренции. Все идет под одной маркой.

– Вас это не беспокоит?

– Какой серьезный вопрос!

– Я серьезный парень.

– Неужели?

– Что, не верите? – Он развел руки. – Все мои друзья отдыхают на пляже. А я здесь, работаю.

– Работы у вас всего-то на две недели. Насколько я поняла, до конца лета на пляж вы еще успеете.

Это означало только одно: полученная от профессора Леонарда информация у синьоры Дочки не задержалась.

– Не верьте.

– Чему?

– Тому, что слышали.

– В том числе и хорошему? – Ее глаза озорно блеснули. – Думаю, бабушке вы понравились.

Может быть, из-за того, что, улыбаясь, она обнажила зубы, ему вдруг пришло в голову, что диагональный шрам у нее на лбу напоминает костный нарост на черепе орангутанга в кабинете.

Антонелла отвернулась – почувствовала его внимательный взгляд? – и посмотрела на распростертую у ног фигуру.

Нарцисс лежал у края восьмиугольного пруда, восхищенно взирая на свое предполагаемое отражение. Впрочем, со стороны могло показаться, что юноша всего лишь ищет что-то, какую-то безделушку, затерявшуюся в устилавшем дно пруда мусоре из веточек и листьев.

– Жаль, что сейчас здесь нет воды.

– Она когда-нибудь вернется?

– Кто знает? Но без воды здесь совсем не то. С водой все оживает. Они как будто начинают дышать.

Чуть раньше Антонелла сняла кожаные сандалии – они висели теперь у нее на пальцах, – и Адам, глядя на нее, босую, в простеньком платье, легко представлял, какой она была в детстве, когда разгуливала по саду, глаза на каменных богов, богинь и нимф, разыгрывающих свои драматические истории на занесенной листьями сцене.

Когда она повернула к храму, он, ни о чем не спрашивая, потянулся за ней. Это было небольшое строение – восьмиугольное, как пруд, – увенчанное низеньким куполом, едва видимым из-за фронтонного портика. Адам огляделся – пол выложен каменными плитами, стены побелены, как и купол. Храм был посвящен Эхо, несчастной нимфе, полюбившей Нарцисса. Слишком увлеченный собственной красотой, он отверг ее чувства, после чего Эхо зачахла и от нее остался только лишь голос.

– Люблю это место.

Ее слова отскочили от гладких, твердых поверхностей; акустический эффект был, конечно, не случайным. Вдоль стен стояли простые деревянные скамьи; на архитраве под куполом темнели вырезанные столетия назад буквы. Текст надписи приводился в одном из документов и представлял собой высказывание Сократа: *Час разлуки настал: мы расходимся, чтобы умереть, а вы – чтобы жить; но что лучше – знает один лишь Бог.*

Адам подошел к чугунной решетке в центре пола. Он видел ее и раньше, но ее назначение так и осталось загадкой. В документах о ней не упоминалось, а все попытки поднять ее или хотя бы сдвинуть закончились ничем.

– Это для воды. Она стекает в небольшой колодец и уходит оттуда в пруд, что снаружи. Звук... даже не знаю, как его описать. – Антонелла задумалась. – *Sussurri*.

– Шепот.

– Да. Как шепот.

Оставшуюся часть круга прошли молча, остановившись ненадолго на последней полянке, у статуи Венеры, склонившейся над мертвым Адонисом – последним элементом композиции, посланием неизбежного горя и невосполнимой потери, почти невыносимым после всех тех историй, свидетелями которых они стали.

Что-то еще было бы лишним. Сад уносил далеко, но, как только вы начинали ощущать силу его скрытного влечения, он отпускал вас.

Даже если не принимать в расчет скульптуры, место это обладало некоей тревожной притягательностью. В ней, в этой лесистой юдоли, было что-то таинственное, потустороннее. Может быть, из-за ощущения замкнутости, герметичности, сопряженной с присутствием воды, здесь словно сохранялся дух древних собраний и деяний. Вы чувствовали, что вы – не первый, кого затянуло сюда, что полуголые дикари тоже натыкались на него и почитали это место колдовским.

Федерико Доччи пришлось бы сильно постараться, чтобы найти лучший участок для мемориального сада, чем то, что уже населяли мерцающие фигуры из некоего призрачного

прошлого. Он ловко использовал его для собственных целей, заслонив посадками вечнозеленых деревьев, которые направляли взгляд, манили и путали независимо от времени года. Он пробил бреши в этой сумрачной чаще, расчистил поляны, сохранившие запах священных рощ, связал их извилистыми, то сужающимися, то расширяющимися тропами, создав геометрию почти музыкальную, пронизанную ритмом простора и замкнутости, света и тени.

Заложив это новое королевство, Федерико посвятил его Флоре, богине цветов, и заселил персонажами из древних мифов, теми, что властвовали над ней и руководили ею: Гиацинтом, Нарциссом и Адонисом. Все они умерли трагически, и все продолжили жить в цветах, поднимающихся из земли, политой их кровью, в тех самых цветах, что каждую весну украшали землю на определенных для них участках сада.

Тень их историй, гнетущих, меланхоличных, накрывала сад. То были истории страсти, неразделенной любви, зависти, ревности, тщеславия и преждевременной смерти. Но в них звучал и голос надежды. Потому что как боги, вступаясь за павших юными, наделяли их бессмертием, так и Федерико, увековечив память о жене, отнятой у него в нежном возрасте, обеспечил ей вечную жизнь.

Поднимаясь с Антонеллой к вилле, Адам подумал о том, что лишь сейчас, впервые, полностью постиг красоту замысла, его логику, утонченность, связность. Но почему только сейчас? Не подтолкнуло ли к прозрению присутствие Антонеллы?

Он взглянул на нее украдкой. Она шла рядом – свободным, твердым шагом, подняв голову и, как танцовщица, отведя назад плечи.

Поймав его взгляд, Антонелла улыбнулась:

– Как будто просыпаешься, да?

– Что?

– Я говорю о том, что, когда выходишь из сада, в реальный мир возвращаешься не сразу.

Ему захотелось вдруг сказать ей, как она прекрасна. И почему. Потому что несет свою красоту беззаботно и легко, без намека на тщеславие, так же, как и шрамы на лице. Он уже почти открыл рот, но вовремя сдержался.

Она вопросительно, чуть склонив набок голову, посмотрела на него:

– Вы собирались что-то сказать?

– Да, собирался. Что-то, о чем наверняка бы потом пожалел.

Антонелла согласно кивнула:

– Да, так тоже бывает.

Сделать остановку на нижней террасе предложила она. Они устроились на одной из скамеек с видом на оливковую рощу. Антонелла попросила сигарету, затаилась и опасливо, через плечо, взглянула на виллу, словно проверяя, не наблюдают ли за ней.

– Бабушке не понравится, что я курю, – объяснила она.

– По-моему, здесь вы в безопасности. В том смысле, что она ведь не встает.

Антонелла пожала плечами:

– Может быть. Ей нравится устраивать драмы из-за мелочей. – Она помолчала. – Нет, так нельзя. Я не права. Бабушка проболела всю зиму... *una bronchite*... как это по-вашему?

– Бронхит.

– Да. Доктор очень за нее беспокоился. Как и все мы. С тех пор и не поднимается.

– А вы не пробовали ее поднять?

– А надо было? – В ее ответе прозвучало раздражение.

– Думаете, притворяется?

– Думаю, ей не очень-то и хочется. В любом случае она переезжает. До конца года точно.

– И куда же?

Антонелла повернулась и, держа между пальцев дымящуюся сигарету, вытянула руку.
– Туда.

На возвышенности, за хозяйственными постройками, виднелся большой квадратный дом. Солнце окрашивало его оштукатуренные стены оранжевым цветом, окружающие кипарисы бросали на них полосы теней. Для простого работника, пожалуй, чересчур роскошно, а вот для хозяйки поместья?

– А зачем ей переезжать?

– Сама так решила. Пришло время передать виллу моему дяде Маурицио.

– Может быть, она уже передумала?

– Если бы передумала, сказала бы.

– Может быть, она и говорит, но по-своему.

– Вы не знаете мою бабушку. Она бы сказала.

Возвращаясь к вилле, они оказались неподалеку от прижавшейся к скале маленькой часовни. Антонелла спросила, побывал ли он внутри. Адам ответил, что пытался, но дверь постоянно заперта.

Ключ обнаружился под первой каменной ступенькой, куда его положили, наверное, дабы не утомлять воров долгими поисками. Когда Адам указал на такую возможность, Антонелла пожала плечами:

– Никогда не знаешь, когда и кому он может понадобиться.

Замок противно заскрипел, но все же признал поражение. Внутри на всем лежал огненный отблеск – косые солнечные лучи, просачиваясь через окна, приобретали красноватый оттенок. Всю обстановку представляли с полдюжины незатейливых деревянных скамеек. Впрочем, вор, проберись он в часовню, без добычи бы не остался. Скромный каменный алтарь украшал триптих на тему Поклонения волхвов. Подойдя ближе – почтительно, молча, – Адам попытался определить время его создания.

Сходящиеся перспективы, вытянутые фигуры и теплые тона позволяли отнести живописца к сиенской школе. С датировкой дело обстояло хуже. На взгляд Адама – взгляд не слишком наметанный, – триптих мог быть написан в промежутке от середины четырнадцатого до середины пятнадцатого века. Может быть, еще позже. Он не назвал бы работу шедевром, но в ней явно ощущалось берущее за сердце смещение невинности и пронзительности, то, что можно увидеть порой в глазах мальчишки, глядящего на вас из заднего окна идущей впереди машины.

– Мне нужно побывать там.

– Где?

– В Сиене.

– Вы меня поразили.

– К сожалению, ничего больше сказать не могу.

– Никто не может.

– Думаю, кто-то мог бы.

– А я надеюсь, что нет. Иначе никакой загадки не останется.

Они прошли по часовне, задержавшись ненадолго у небольшой таблички, вделанной в стену под окном. На камне значились имя и дата:

ЭМИЛИО дочки

27.07.1944

– Мой дядя, – сказала Антонелла.

– Ваша бабушка рассказала мне, что случилось. Ужасная история.

– Его похоронили вон там. – Она указала на пустые плиты. – Я и не знала его по-настоящему. Мы жили тогда в Милане. Когда это случилось, мне было лет десять или одиннадцать.

И сколько ж ей теперь?..

– Двадцать четыре, – сказала Антонелла в ответ на незаданный вопрос. – А вам?

– В следующем месяце будет двадцать два.

В его словах прозвучала слабая нотка отчаяния, как будто он пытался уменьшить разделявшую их брешь, и Адам поспешил спрятать возникшую неловкость.

– А почему он оставил фамилию матери?

– Чтобы Дочки не прервались. Маурицио поступил так же. А моя мать взяла фамилию мужа – она Баллерини.

– А вы?

– Я – Воли. Антонелла Воли.

Он коротко поклонился.

– Адам Стрикленд.

– Стрикленд, – повторила она. Получилось совсем не звучно.

Адам оглянулся на табличку.

– Это из-за Эмилио верхний этаж до сих пор закрыт?

– Да.

Так решил дедушка, пояснила Антонелла. Наследующий день после убийства Эмилио в Сан-Кассиано вошли союзники. Приехали солдаты. Виллу обыскали в расчете найти какие-нибудь оставленные немцами документы. Потом солдаты уехали. Дедушка распорядился собрать выброшенную на террасу мебель и отнести наверх. Потом сам закрыл и запер двери на лестничной клетке. Больше в те комнаты никто не входил. После его смерти все думали, что синьора Дочки откроет этаж – проветрить помещения, сделать ремонт. Но она сохранила заведенный порядок.

На выходе из часовни Адам на мгновение задержался и еще раз прошелся взглядом по интерьеру. Если верить собранным в папке документам, где-то здесь, под каменным полом, лежали и останки Флоры Бонфаджо, умершей лет четыреста назад.

На террасе Мария застилала стол грубой белой скатертью. Антонелла, наклонившись, поцеловала ее в обе щеки, и Адам заметил, как потеплели у служанки глаза. Впрочем, она тут же посуровела, заметив в нерешительности топчущегося у двери Адама.

– Вы должны остаться. Познакомьтесь с моими дядей и тетей. И с кузинами.

– Мне надо идти.

Мария встретила это заявление с полным пониманием, и Адам предположил, что английский она знает лучше, чем склонна признавать.

– Я настаиваю, – повторила Антонелла.

Он остался на полчаса, но и этого времени вполне хватило, чтобы подпасть под добродушное очарование Маурицио и оценить лукавое остроумие его жены. Вместе они составляли приятную пару. Он – высокий, смуглый, хорошо одетый, представительный да еще с подернутыми сединой висками. Кьяра – красивая блондинка с острыми чертами и хрипловатым смехом, выдававшим ее пристрастие к сигаретам, которые она курила беспрестанно, одну за другой, к очевидному неодобрению детей, Родольфо и Лауры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.